

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 94(47)

DOI: 10.24412/2224-5391-2022-39-304-359

А. К. Клементьев

ОСОБЫЙ ОТРЯД ПО ОХРАНЕ ЛИЦ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ В КРЫМУ В ОКТЯБРЕ 1918 — АПРЕЛЕ 1919 г.

Аннотация. Публикуемый очерк истории создания и функционирования «Отряда особого назначения для охраны Лиц Императорской Фамилии в Крыму» написан после Второй мировой войны помощником начальника отряда полковником Сергеем Александровичем Апухтиным и посвящен событиям последнего периода пребывания членов русской императорской семьи в принадлежащих им крымских владениях в октябре 1918 — апреле 1919 г. До сих пор упоминания о деятельности этого отряда, возникшего при минимальном содействии со стороны руководства Добровольческого движения, практически не появлялись в печати, а его участники, исполняя взаимную договоренность, редко говорили о тех днях. Об условиях формирования, личном составе и численности отряда, принципах устройства охранения, условиях его размещения, снабжения, особенностях несения службы и контактах с внешним миром — от недавних врагов, а теперь помощников — германцев, до окружающего гражданского населения, как и об отношениях чинов отряда с охраняемыми ими высочайшими особами не было известно практически ничего.

Создание «Отряда особого назначения» стало результатом частной инициативы верных присяге полутора десятков офицеров императорской Русской армии, в немалой части аристократов из потомственных военных семей. По мнению многих их современников, русских и иностранцев, счастливое избав-

Особый отряд по охране лиц императорской фамилии в Крыму...

ление русской императрицы, ее дочерей и других лиц императорской фамилии от неминуемой гибели в самой счастливой стране мира стало первым этапом ощутимой неудачи большевиков, которая в полной мере настигла их с успешной эвакуацией частей Русской армии П. Н. Врангеля и постоянно напоминала о себе вплоть до неизбежного исчезновения коммунистического государства. В результате этих двух эвакуаций, как и последующих, менее значительных, за рубежами подсоветского пространства сформировалась свободная, малая Россия, на весь мир упорно заявлявшая о нежелании и невозможности для огромного числа русских граждан всех сословий признавать возникший в их Отечестве антихристианский государственный организм. В этом отношении весьма интересны свидетельства автора воспоминаний об исключительно доброжелательном отношении местного коренного населения, и прежде всего крымских татар, к императорской семье и лицам их охраны, и о резком неприятии большевиков значительной частью населения полуострова, так никогда и не ставшего советским в общепринятом значении этого слова.

Публикуемый документ существенно дополняет картину крымской жизни лиц императорской фамилии, столь подробно описываемую в получившем широкую известность интереснейшем дневнике императрицы Марии Феодоровны.

Ключевые слова: *Отряд особого назначения для охраны лиц императорской фамилии в Крыму, С. А. Апухтин, императрица Мария Феодоровна, Романовы в Крыму, эвакуация лиц императорской фамилии из Крыма, императорские и великокняжеские имения и дворцы в Крыму, британский флот в Крыму в годы гражданской войны.*

Цитирование. *Клементьев А. К. Особый отряд по охране лиц императорской фамилии в Крыму в октябре 1918 — апреле 1919 г. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 39. С. 304–359. DOI: 10.24412/2224-5391-2022-39-304-359*

Сведения об авторе. *Клементьев Александр Константинович — историк, архивист, автор исследований по истории Русской Православной Церкви в эмиграции (Россия, г. Санкт-Петербург). E-mail: niteroy@rambler.ru*

Поступила в редакцию 03.07.2022

Принята к публикации 09.09.2022

Смертельные лучи большевистского «Солнца мертвых», ежедневно восходящего над огромной территорией разоренной Российской империи, не смогли уязвить пребывавших на земле Крыма многочисленных членов русской императорской фамилии. Это стало возможным во многом благодаря продуманной самоотверженности небольшой группы офицеров императорской Русской армии, в значительной части аристократов из известных семейств, для которых верность единокжды произнесенным словам присяги была не формальностью, а единственно возможным способом повседневной жизни.

Воспоминания Сергея Александровича Апухтина заслуживают пристального внимания уже потому, что в них подробно изложены предыстория и все обстоятельства возникновения и формирования отряда, и поименно перечислена значительная часть тех, кто непосредственно осуществлял охрану крымских имений, то есть охранял лиц императорской фамилии и их близких¹. Он

¹ Следует отметить, что известные воспоминания П. П. Булыгина о первых шагах к созданию отряда и о водворении в Крыму предельно кратки и схематичны, хотя во многом и согласуются с публикуемым текстом С. А. Апухтина. Получив задание особой важности от самой императрицы, Булыгин оставил свой пост в «Хараксе» еще 1 января и не был свидетелем большинства крымских событий, упоминаемых С. А. Апухтиным. П. П. Булыгин вспоминал:

«С большими трудностями, после многочисленных приключений, я снова появился на Юге. Миновав пограничные посты большевиков близ хутора Михайловский, через Украину, все еще оккупированную немцами, я вернулся в Добровольческую Армию. А несколькими неделями позже мне выпала честь организовывать из офицеров отряд личной охраны Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны и, по личной просьбе Ее Величества, возглавить его.

Произошло это следующим образом.

Возвратясь из Екатеринбурга, я посетил Вдовствующую Императрицу во дворце Харакс в Крыму, чтобы сообщить обо всем слышанном мною относительно судьбы Царской Фамилии, находящейся в большевистском плену. Я был ошеломлен тем полностью беззащитным состоянием, в котором нашел дворец Вдовствующей Императрицы. Крым в тот самый момент был оставлен немцами на сомнительную милость большевиков, рассадником которых были Севастополь и Симферополь. Поэтому я с совершенным почтением, уверил Ее Величество, что скоро вернусь в Харакс с охраной, и был счастлив услышать ответ императрицы: «Я всегда знала, что Булыгины преданы мне». Той же ночью пароход «Тигр», шедший в Новороссийск, принял меня на борт: я отправился в штаб Белой Армии в Екатеринодар.

При штабе я обнаружил Шульгина — он покинул Киев, чтобы работать для Добровольческой Армии — и поделился с ним своими планами. Он отвел меня прямо к генералам Драгомирову и Лукомскому — двум главным советникам генерала Деникина — и попросил их оказать мне необходимую помощь в людях, деньгах и огнестрельном оружии для организации сильной личной охраны Вдовствующей Императрицы. Шульгин добавил, что, если Добровольческая Армия не может сделать этого по политическим мотивам, (так как официально она не является монархической), он будет рад занять денег под личную ответственность и возместит этот долг из доходов от продажи его киевского поместья.

На следующий день ген. Драгомиров вызвал меня к себе и информировал относительно решения ген. Деникина: я должен был выбрать пятнадцать офицеров и назначить полковника, которому мы все доверяли бы. Все офицеры получают неограниченный отпуск из армии. Все остальные вопросы мне следовало адресовать ген. Лукомскому, коему было предписано оказывать мне всякую помощь. Через несколько дней, оговорив с ген. Лукомским все детали относительно способа переброски офицеров и оружия, я уехал в Крым в сопровождении трех друзей. Пробираться мы должны были довольно осторожно: немцы не слишком дружелюбно относились к Добровольческой Армии из-за отказа последней принять Брест-Литовское соглашение большевиков, согласно которому Германии отошла значительная часть Европейской части России. Благополучно добравшись до Крыма, наша немногочисленная группа в одну из ночей обошла последние немецкие патрули и заняла все три Императорских дворца. Сам я, еще с двумя офицерами, принял под охрану дворец Харакс.

Постепенно наши силы росли. Генерал Краснов (атаман донского казачества) очень помог нам людьми и деньгами. Вскоре мой собственный отряд увеличился до двенадцати человек. В то

Особый отряд по охране лиц императорской фамилии в Крыму...

подробно рассказывает о тех обстоятельствах и событиях, которые оставались неизвестными охраняемым, и потому никак не отражены в известных уже воспоминаниях. Перечисляет он и имена участников Особого отряда, не всех, но многих — тех, кто запомнился, и это особенно важно, поскольку полный

время, как в Дюльбере вокруг Великого Князя Николая собралось около шестидесяти офицеров, дворец Арианда [sic!] был занят Сводно-Гвардейским Эскадром полковника Гершельмана, а Сводно-Гвардейская рота полковника Крота вступила в Ливадию. Добровольцы, таким образом, твердо обосновались в Крыму.

Немецкое командование не препятствовало нам, так как снятие их армией оккупации рассматривалось как нечто неизбежное. Немцы не желали членам Императорской Фамилии, равно как и остальной части населения, гибели в руках большевиков. Фактически, какова бы ни была высокая политика различных штабов, они не мешали русским и немецким офицерам понимать и уважать друг друга, лучшим доказательством тому могут служить две пары эпюлет, спрятанных мною в саду дворца Харакс: немецкие офицеры не желали замарать их в революционной суматохе, которая в то время охватила и немецкие войска.

В декабре 1918-го года Великие Княгини Ксения Александровна и Ольга Александровна предложили мне предпринять еще одну попытку выяснить, что случилось с Семейей Государя. Вдовствующая Императрица благословила меня и снабдила письмом к королеве Англии Александре.

Первого января 1919 г. я сдал охрану дворца Харакс капитану Войцеховскому и, взяв с собой есаула Грамотина, отправился вокруг света на встречу с Сибирью — короткий путь в Сибирь был нереален из-за большевистских армий.

Сначала мы проехали на Кубань, в Штаб Главнокомандующего вооруженными силами Юга России, чтобы получить необходимую санкцию и выправить паспорта и визы. Само собой разумеется, что это не составляло никакого труда: мы получили специальные документы курьеров Штаба и верительные грамоты к адмиралу Колчаку и российским дипломатическим представителям портов нашего захода.

За границу суда отправлялись из Одессы, так что мы вынуждены были еще раз ступить на палубу “Тигра” и вновь проплыть мимо крымских берегов. В Ялту мы зашли поздно ночью и только на четыре часа. Я взял парного извозчика и помчался в полной темноте при ярких звездах по Нижне-Алупкинской дороге в Харакс, чтобы встретиться с четырьмя моими побратимами, прошедшими вместе со мной Первый Кубанский поход. В то время они служили в охране Великих Князей Николая и Петра, в Дюльберте [sic!]. По телефону из Ялты я уведомил их и попросил выйти к дороге на Харакс на встречу со мной.

Мы простились на шоссе под открытым небом. Еще некоторое время я следил за темными силуэтами и мерцанием их штыков в звездном свете.

Затем все вновь затихло, и я остался один на один с рокотом моря где-то далеко внизу, слабым ароматом кипарисов и блестящими в вышине звездами. Больше я никогда не виделся со своими названными братьями. Возвратившись из Сибири я узнал, что капитан Долгов пал в храброй атаке Корниловского полка, командиром которого он был назначен в мое отсутствие. Другие с батальоном Лейб-Гвардии Литовского полка были окружены под деревней Драгомировкой. Поручик Кубашев застрелил своего брата и невесту Луцко (она была в походе под видом вольноопределяющегося), а затем застрелился сам. Поручик Луцко, последний из четверых, чудом спасся после того, как красная конница уничтожила их батальон; о смерти своих друзей он узнал лишь в Одессе, куда был перевезен в сыпном тифу. Он попросил однополчанина в палате передать мне привет и покончил жизнь самоубийством. Я получил это сообщение в конце 1920-го года, в Белграде» (*Булыгин П. П. Убийство Романовых. Достоверный отчет* / пер. В. Шеффера; ред. пер. Т. С. Максимовой. М., 2001. С. 36–37, 39).

список тех, кто входил в состав отряда на всем протяжении его существования, до настоящего времени не составлен².

Военнослужащие, размещавшиеся на относительно отдалении от занятых императрицей и ее близкими имений — в Ореанде и Ливадии, имели все же скорее формальное отношение к непосредственному несению повседневного охранения и усиливали отряд самым фактом своего пребывания вблизи охраняемых объектов.

О самом событии оставления последней русской императрицей и другими членами императорской фамилии последнего участка свободной исторической русской территории — Крымского полуострова — известно немного. О тех, кто охранял членов императорской фамилии в последние месяцы их пребывания в России и о технической стороне проведения эвакуации неизвестно почти ничего.

Это тем более печально, что день 11 апреля 1919 г. явился последним днем исторической русской государственности. Героические попытки восстановления исторической России завершились полтора года спустя — 15 ноября 1920 г. эвакуацией Русской армии П. Н. Врангеля.

Объяснение такому забвению отчасти дает сам С. А. Апухтин, писавший жителюствовавшему в Брюсселе полковнику И. Залынскому: «К сожалению, никаких известных мне записанных рассказов об отряде, охранявшем Императорскую Фамилию в Крыму рекомендовать Вам не смогу. Мы видели, как сильно переживали все Они свой отъезд из России, и после завершения нашей миссии как-то вдруг и без чьих-либо распоряжений договорились не предавать огласке ничего из того, что нам пришлось знать и в чем довелось участвовать. Ведь каждое наше слово было бы истолковано большевиками и им подобными бесчисленными пакостниками во вред Императорскому Дому. Кажется, и полвека спустя остающиеся офицеры отряда держатся данного тогда обещания»³.

Немногословные упоминания об этом событии содержатся в малочисленных и малодоступных воспоминаниях непосредственных его участников.

* * *

Лишь с изданием дневников императрицы Марии Феодоровны⁴ появилась возможность достаточно подробно представить себе повседневную жизнь поселившихся в Крыму членов императорской семьи и обстоятельства оставления ими русской территории. Причем записи императрицы, относящиеся к последним шести месяцам их пребывания в имениях южного берега «Хараксе», «Дюльбере», «Ай-Тодоре» и «Чаире», в «Кореизе», «Сосновой роще» и некото-

² Так, имена многих участников отряда, приводимые императрицей в дневнике, отсутствуют в списке С. А. Апухтина.

³ Письмо без даты // Собрание О. И. Залынского. Брюссель.

⁴ Дневники императрицы Марии Федоровны. М., 2007. 704 с.

рых других, то есть именно к периоду несения службы «Особым отрядом по охране Лиц Императорской Фамилии», весьма подробны и информативны. Многие из этих записей удачно дополняют скурые рассказы о внешних событиях, содержащиеся в публикуемых ныне воспоминаниях Сергея Апухтина, служба которого протекала преимущественно на территории имения «Дюльбер». При этом в записях императрицы менее всего отражена как раз деятельность нового охранного отряда, что и понятно — создание подобного воинского соединения воспринималось как нечто совершенно обыденное и естественное, причем не только теми, кого охраняли, но и самими охранявшими, ведь таков был сложившийся в Империи порядок, которого никто не отменял. И тот факт, что и другие члены императорской фамилии, столь подробно повествовавшие о своем кратковременном пребывании под недоброй и смертельно опасной «опекой» большевиков⁵, почти не упоминали о семи последних месяцах свободной и достаточно безопасной крымской жизни под охраной самых верных и действительно преданных русской монархии русских военных, — лишь свидетельство тому, что в это время жизнь в освободившемся от революционных разбойников Крыму вернулась в привычное и единственно нормальное русло.

Дневниковые записи императрицы Марии Феодоровны рисуют весьма живую и достаточно подробную картину повседневной жизни императрицы и состоявших при ней лиц свиты, в общих чертах мы узнаем о жизни ее дочерей — великих княгинь Ксении Александровны, Ольги Александровны и некоторых внуков императрицы. О супругах своих дочерей — великом князе Александре Михайловиче и полковнике Николае Александровиче Куликовском императрица пишет весьма скупое. О великих князьях Николае Николаевиче и Петре Николаевиче и их женах — дочерях Черногорского короля Николая II Петровича Негоша подробных записей тоже мало, хотя за время жизни в Крыму виделись они не редко...

Члены императорской фамилии, разместившиеся в южнобережных имениях, покидали Крым не одновременно. Первыми оставили русскую территорию великий князь Александр Михайлович со старшим сыном князем Андреем и его женой, что, судя по записям императрицы Марии Феодоровны, стало малоприятным для всей семьи событием: 9 декабря 1918 г.: «Ксения сказала, что С[андро] решительно настроен уехать — не вернется»⁶.

12 декабря 1918 г.: «...прибыли Ксения и Сандро, который огорошил меня, сообщив, что завтра он уезжает. Я едва не упала — к чему такая поспешность?! Он просил меня никому не рассказывать об этом до его отъезда. Затем он попрощался, необычайно довольный собой. Ксения же осталась. Она, так же как

⁵ О жизни императрицы и ее близких в Крыму до эвакуации см.: Ящик Т. К. Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. СПб., 2007. С. 72–80.

⁶ Дневники. С. 282.

и я, полагает, что всему этому нет разумного объяснения, но, поскольку ее уговоры никак не помогли, оставляет за ним право поступать, как ему вздумается, ибо она ко всему прочему опасается, что он может свихнуться»⁷.

13 декабря великая княгиня Ксения была на панихиде по убитому Ю. П. Гужону, успев «проводить Сандро в Ялту на борт м[алого] анг[лийского] крейсера. Я видела, как он прошел мимо нас в эту прекрасную тихую погоду».

24 января великая княгиня Ксения сообщила императрице, что «уже получила письмо от Сандро из Парижа, он, среди прочего, пишет, что, когда Андрюша с женой прибыли в Рим, первой новостью для нее стало известие о смерти ее матери Лассо Руффо, которая умерла еще в октябре прошлого года. И дочь ничего об этом не знала — ужасно! Аликс [королева Великобритании Александра. — А. К.] пишет в частности, что совершенно не понимает, как это Сандро мог оставить нас здесь»⁸. Сам великий князь объяснил причины своего быстрого отъезда в первой книге воспоминаний, не забыв и последний взгляд на крымскую землю, на любимый Ай-Тодорский маяк⁹.

В это время обычным маршрутом императрицы становятся прогулки с дочерьми Ольгой и Ксенией, с внуками или с кем-то из приближенных в и сегодня сохраняющейся небольшой рощице около Ай-Тодорского маяка, с последующим посещением расположенного неподалеку от маяка (и тоже сохранившегося) домика, который занимала великая княгиня Ольга с мужем полковником

⁷ Дневники. С. 283.

⁸ Там же. С. 294.

⁹ «В Севастополь прибыл британский военный флот, и его командующий адмирал Кэльторп сообщил нам о предложении Короля Английского дать в наше распоряжение пароход для отъезда в Англию. Вдовствующая Императрица поблагодарила своего царственного племянника за его внимание, но отказалась покинуть Крым, если ей не разрешат взять с собою всех ее друзей, которым угрожала месть большевиков. Король Георг изъявил и на это свое согласие, и мы все стали готовиться к путешествию.

Желая увидеть главы [sic!] союзных правительств, собравшиеся [sic!] тогда в Париже, чтобы представить им доклад о положении в России, я обратился к адмиралу Кэльтропу с письмом, в котором просил его оказать содействие к моему отъезду из Крыма до отъезда нашей семьи, которая должна была тронуться в путь в марте 1919 года. Адмирал послал за мною крейсер, чтобы доставить меня из Ялты в Севастополь, и мы условились с ним, что я покину Россию той же ночью на „Корабле Его Величества «Форсайт»“.

Странно было видеть Севастопольский рейд, пестревший американскими, английскими, французскими и итальянскими флагами. Я напрасно искал среди этой массы флагов русский флаг или же русское военное судно. Взглянув на ветки остролистника, украшавшие мою каюту, я вдруг вспомнил, что русское 11 декабря соответствовало западноевропейскому Сочельнику. <...>

„Форсайт“ увеличивал скорость, и береговые огни мало помалу скрывались из вида. Когда я обернулся к открытому морю, то я увидел Ай-Тодорский маяк. Он был построен на земле, которую мои родители и я возделывали в течение последних сорока пяти лет. Мы выращивали на ней сады и трудились в ее виноградниках» (Александр Михайлович, вел. кн. Книга воспоминаний. III. Приложение к «Иллюстрированной России» на 1934 г. Париж, 1934. (Библиотека «Иллюстрированной России»; кн. 48). С. 311–312).

Н. А. Куликовским и сыном Тихоном. Далее императрица, иногда без сопровождающих, возвращалась в Харакс пешком.

О советах окружающих покинуть русскую территорию Мария Феодоровна писала в дневнике достаточно часто. Так, уже 10 сентября 1918 г. после разговора с сыном¹⁰ генерала Н. Н. Казнакова императрица отмечала: «Он весьма мил и интересен. Вот только считает, что мне необходимо срочно покинуть Россию, пока здесь спокойно. Он полагает, что дела у нем[цев] плохи и, когда они отсюда уйдут, находиться здесь снова станет так же опасно, как и раньше. Разговор с ним совершенно выбил меня из колеи, ведь в моих правилах следовать промыслу Божиему, вот и теперь я жду Его наставлений в том, что мне следует предпринять»¹¹. О событиях в России узнавали с опозданием. Газеты же иногда доставляли сведения вполне фантастические, что зачастую усугубляло тяжесть всего происходящего. Так, 15 сентября 1918 г. императрица записала: «Газеты сообщают, что эти негодяи убили патриарха Тихона — величайшая подлость, какую только можно вообразить! Еще пишут, будто эти каналы до основания снесли мой любимый Аничков. Невозможно и представить себе, на какие еще подлые выдумки горазды эти мерзавцы. Неужели все так и есть! Я в полном отчаянии»¹².

Впрочем, императрица, да и другие члены династии не пребывали в какой-либо изоляции. Изолированными они оставались лишь от города Ялты и ее немалочисленного населения, что стало фактически лишь продолжением вынужденного положения вещей, сложившегося во время пребывания в Крыму большевиков.

Иностранные же подданные, преимущественно британцы и датчане, появившиеся в Ялте с уходом 6 ноября 1918 г. германских войск, навещали императрицу достаточно часто и свободно, передавали газеты¹³ и письма не только от ее братьев и сестер, но даже от правящих монархов Эдуарда VIII и Кристиана X (26 сентября). Часто письма прибывали целыми пачками, как, к примеру, 9 октября 1918 г.: «Среди них оказалось 10 писем от Аликс, два — от Вальдемара, а еще от Оге, Маргрета, Луизы, Тории и многих других милых мне людей»¹⁴. И сама императрица практически ежедневно отвечала на полученные послания, наибольшее внимание уделяя письмам любимой сестре Александре в Лондон.

Грабежи и убийства, нередко случавшиеся в Ялте после ухода германских войск, лучше всего демонстрировали, сколько своевременным было создание

¹⁰ Николай Николаевич Казнаков (1894–?) — сын генерала от кавалерии Николая Николаевича Казнакова (1856–1929, Канны).

¹¹ Дневники. С. 255.

¹² Там же. С. 257.

¹³ 29 сентября 1918 г. императрица замечала: «Получила ветхозаветные датские газеты от 5 ноября. Какая глупость!» (Дневники. С. 261).

¹⁴ Там же. С. 265.

офицерского охранного отряда. Трагические случаи с лицами, близко знакомыми членам императорской фамилии, лишь усугубляли и без того напряженную обстановку. Через два дня после убийства 12 декабря 1918 г. московского предпринимателя Гужона императрица записала в дневнике: «Приняла жену Вяземского, которая рассказала, что пребывает в вечном страхе и желала бы переехать в м[алый] дом <...>. Убийц, разумеется, не поймали. Теперь ведь нет ни полиции, вообще никого, кто мог бы следить за порядком»¹⁵.

19 декабря из Ялты «отбыли все анг[лийские] гувернантки»¹⁶.

Жизнь в крымских великокняжеских имениях в 1917–1920 гг. нельзя назвать лишенной событий. Несмотря на тягостно-неопределенное и столь непривычное положение первых лиц Империи жизнь молодого поколения вносила свои радостные нотки. Так, уроженка «Дюльбера» младшая дочь великого князя Петра Николаевича княжна Надежда Петровна 10 апреля 1917 г. сочеталась браком с князем Николаем Владимировичем Орловым в храме святой Нины имения «Харакс», а 17 марта 1918 г. в Кореизе у них родилась дочь Ирина.

Крымское затворничество иногда разнообразили события приятные: «Слышала, что Павлик Ферзен обручился с Мисси Стааль, — записала императрица 24 января 1919 г., — Я желала бы ему другой жены, стиль ее не в моем вкусе, правда, все вокруг говорят, будто она очень добрая и славная. Малама утверждает, что г-жа Стааль безмерно счастлива по этому поводу, — еще бы, думаю, она и мечтать никогда не могла о такой партии»¹⁷. В тот же день «в Дюльбере в честь молодых был дан большой праздничный обед по случаю их помолвки»¹⁸, а 8 февраля «в 2 часа пополудни в самый разгар непогоды, в жуткую метель пришли пешком г-жа Стааль с дочерью. Они невероятно счастливы в связи с состоявшейся помолвкой»¹⁹.

Малосодержательные воспоминания князя Феликса Феликсовича Юсупова Младшего лишь вскользь касаются важнейшего эпизода собственной его биографии: «Когда весной 1919 года красные подошли к Крыму, поняли мы, что это конец. Утром 7 апреля командующий британскими военно-морскими силами в Севастополе явился в „Аракс“ [sic!] к императрице Марии Федоровне. Король Георг V, в силу сложившихся обстоятельств сочтя отъезд государыни необходимым и безотлагательным, предоставил в ее распоряжение броненосец „Мальборо“. Командующий настаивал на отплытии ее и семьи ее вечером того же дня. Сначала императрица решительно отказалась. С трудом убедили ее, что отъезд необходим. В то утро мы все собрались в Араксе отметить день

¹⁵ Дневники. Запись от 14 декабря 1918 г. С. 283–284.

¹⁶ Там же. С. 285.

¹⁷ Там же. С. 294–295.

¹⁸ Там же. Запись от 25 января. С. 295.

¹⁹ Там же. С. 299.

рождения великой княгини Ксении. Императрица поручила мне отнести великому князю Николаю Николаевичу письмо, в котором сообщала, что уезжает, и предлагала ему и семье ехать с нею также.

Весть о близком отъезде императрицы и великого князя Николая разлетелась со скоростью света и вызвала колоссальную панику. Люди просились также ехать. Но один военный корабль не мог вместить тысячи и тысячи граждан, бежавших от большевистской пули. Мы с Ириной поднялись на борт „Мальборо“, где уже находилась императрица с великой княгиней Ксенией и моими шурьями. Когда Ирина сказала бабке, что для эвакуации людей ничего не сделано и не делается, ее величество объявила севастопольскому союзному командованию, что никуда не поедет, пока хоть один человек, из всех тех, чья жизнь в опасности, останется в Крыму.

Ей уступили и большое количество союзных кораблей прибыло в Ялту для эвакуации беженцев.

На другой день отплыли и мы вместе с моими родителями.

Тотчас вслед за нами из ялтинского порта отчалил корабль с нашими офицерами, ехавшими присоединиться к белой армии. „Мальборо“ еще не поднял якорь, и, стоя на носу броненосца, императрица смотрела, как уплывали они. Из глаз у нее текли слезы. А молодежь, плывшая на верную смерть, приветствовала свою государыню, замечая за ней высокий силуэт великого князя Николая, их бывшего главнокомандующего»²⁰.

В записанных Яном Ворресом рассказах великой княгини Ольги Александровны только самому эпизоду отплытия «Мальборо», свидетелем которого великая княгиня не была, уделено какое-то внимание: «Когда корабль поднимал якорь, мимо него проходил транспорт с войсками. Очевидно, что на „Мальборо“ был поднят императорский штандарт, поскольку солдаты на борту транспортного судна встали по стойке „смирно“ и запели гимн „Боже, Царя храни“. Вдовствующая Императрица стояла на палубе британского корабля и махала солдатам до тех пор, пока они не скрылись из вида»²¹.

Лейб-казак императрицы Тимофей Ксенофонович Ящик в своих воспоминаниях также весьма кратко повествует о ходе эвакуации²².

²⁰ Юсунов Ф. Ф. Мемуары / пер. с франц. Е. Кассировой. М., 1998. С. 251–252.

²¹ Ольга Александровна, вел. кн. Мемуары / пер. с англ. И. В. Гюнбетен; запись Я. Ворреса. М., 2003. С. 175–177.

²² Воспоминания Т. К. Ящика не всегда совпадают в датах и иных деталях с рассказами других участников этих событий: «Отъезд в Англию. Вскоре после нового 1919 года произошли некоторые изменения в ситуации. Немцы ушли из Крыма и Украины. Одновременно вокруг Харакса стали появляться русские войска. Это произошло в феврале или в начале марта. В воздухе повисла новая угроза. Однажды в конце марта перед Хараксом неожиданно появился английский корабль. Он не мог пришвартоваться, но направил шлюпку к молу у Дюльбера, и на берег сошел морской офи-

Наиболее информативны воспоминания²³ британского вице-адмирала То-

цер. Сначала он долго говорил с князем Долгоруким, а позже — с императрицей. Я, конечно, не знал, что они обсуждали, но рассказывали, что они пытались уговорить императрицу уехать в Англию. Высокопоставленный офицер приходил несколько раз, но так ничего и не изменилось. Однако в один прекрасный день его аргументы все же оказались настолько убедительными, что императрица решила отправиться в путь со всей своей свитой.

Мы долго ждали, что же произойдет, и, наконец, поступил окончательный приказ об отъезде, что было для нас неожиданностью. Это было 25 марта по русскому календарю — 7 апреля по западноевропейскому. Я помню этот день так точно, потому что это был день рождения великой княгини Ксении. Сразу же после обеда, около часу дня, императрица сообщила, что нам сейчас же нужно начать укладывать вещи и быть готовыми, чтобы взойти на борт английского военного корабля „Мальборо“, который отвезет нас в Лондон.

Смею сказать, что мы были очень заняты. Мы упаковывали вещи, укладывали их на телеги, которые должны были отвезти их в портовый город Ялту. Сама императрица отправилась вместе со своей фрейлиной графиней Менгден к молу Дюльбера, откуда на шлюпке она была доставлена на „Мальборо“. Мы могли с берега видеть, как легко и быстро она поднялась на борт английского военного корабля, где команда была выстроена для парада. Сразу же после этого капитан отдал приказ поднять якорь и плыть в Ялту.

Семья императрицы и свита последовали за ней, некоторые в шлюпках, некоторые сухопутным путем, и в Ялте все были взяты на борт. Английский капитан хотел очень быстро отправиться в путь, но императрица тянула время. Она хотела убедиться, что каждый из ее близких и все слуги были взяты на борт. Большинство отправились на „Мальборо“, остальные последовали на другом английском военном корабле, название которого я не помню.

На борту „Мальборо“ прежде всего находилась сама императрица. Кроме нее были великая княгиня Ксения со своими детьми, дядя царя великий князь Николай Николаевич, который был главнокомандующим русской армией с начала войны, гофмаршалы Долгорукий и Вяземский и личные слуги императрицы. Великая княгиня Ольга, которая большую часть времени находилась в Крыму, двумя месяцами раньше уехала на Кавказ, где она и ее муж полковник Куликовский надеялись найти более спокойную обстановку. А муж великой княгини Ксении, великий князь Александр, несколько месяцев назад уже уехал во Францию.

Когда императрица убедилась, что все ее друзья и помощники были на корабле, она сообщила капитану „Мальборо“, что она готова к отплытию. Прозвучало несколько коротких, точных команд, которые я не понял, и через несколько секунд английский военный корабль запустил свои мощные машины.

Императрица стояла на палубе, когда были отданы швартовы. Она, как всегда, стояла прямо, и я не увидел слез в ее глазах. Но она стояла очень долго и очень тихо и все смотрела на землю, которая была ее домом более 50 лет и которая хранила тайну того, что произошло с ее возлюбленным сыном, его супругой и их пятью детьми.

Я никогда не читал чужих мыслей, но я определенно чувствовал, что в тот день императрица Дагмар была совершенно убеждена, что она снова увидится с царем.

И вот на горизонте мало-помалу исчезли склоны крымских гор. Мы следили за ними глазами так долго, как это было возможно, так как они все же около двух лет были нашим домом. Это были два бурных года, два года больших государственных переворотов и все еще существующего напряжения, но укрывшись за стенами Ай-Тодора, Дюльбера, Харакса, мы не только спасли свои жизни, но и надежду.

Вдовствующая императрица покинула Крым 11 апреля 1919 года. Она больше никогда не увидела Россию» (*Ящик Т. К. Рядом с императрицей...* С. 81–82).

²³ Книга вышла с предисловием великой княгини Ксении Александровны и со множеством фо-

маса Прайдхема, организовавшего посадку вдовствующей императрицы и всех остальных членов императорской фамилии и их приближенных на британский дредноут «Мальборо», умудрившегося сносно разместить их на непригодном для подобного использования судне и в течение всего плавания трепетно их опекавшего. Исключительная искренность и доброжелательное усердие Т. Прайдхема были вознаграждены, и императрица пожаловала его орденом святого Станислава²⁴.

Спущенный на воду в 1914 г. дредноут «Мальборо» был одним из совершеннейших и самых великолепных военных судов Королевского флота²⁵. Самый факт отправки подобного гиганта для предполагавшейся эвакуации лишь одного-двух десятков человек из Крыма свидетельствует, насколько ответственно подошла к столь тяжелому развитию событий британская королевская семья.

Вице-адмирал подробно описал события этих трех дней на основании собственных дневниковых заметок: «Холодным и туманным утром 4 апреля 1919 года, корабль Его Величества „Мальборо“ вышел из Константинополя в Севастополь. Капитану (С. Д. Джонсон) было поручено передать письмо Королевы Александры ее сестре Вдовствующей Российской Императрице Марии, убеждающей Ее покинуть Россию прежде, чем спасение от большевиков станет невозможным и сообщаящей, что корабль Его Величества „Мальборо“ прибыл и готов принять Ее на борт и доставить на Мальту и в Англию. <...> По возвращении из Ялты после беседы с Императрицей Марией, капитан приказал судну проследовать в Ялту на следующий день, 7 апреля, а по прибытии приступить к посадке тех, кого Ее Величество пригласит Ее сопровождать. <...>

Число тех, кто сядет на „Мальборо“ с Императрицей Марией не было известно, но уже было очевидно, что нас будут просить принять много больше, чем мы ожидали, когда покидали Константинополь. Специальных приготовлений для принятия на борт значительного числа пассажиров сделано не было, поскольку целью было вывезти только Императрицу Марию и несколько наиболее приближенных к ней лиц, в общем, может быть, десяток или дюжину

тографий, сделанных на борту «Мальборо» (*Pridham F. Close of a Dynasty. With a foreword by Her Imperial Highness the Grand Duchess Xenia Alexandrovna of Russia. London, 1956. 176 p.*), а через три десятилетия была переиздана (*Royalty Digest, Sussex, 1997. 176 p.*).

²⁴ Позже капитану Прайдхему довелось выступить избавителем другого христианского монарха, и в мае 1936 г. именно он вывез на корабле «Hood» из Джибути в британскую Палестину вынужденно покинувшего Эфиопию императора Хайле Селассие, его семью и приближенных. Итальянская агрессия в Эфиопии была встречена куда более сплоченным международным сопротивлением, чем действия большевиков в России, и уже в январе 1941 г. император возвратился в Эфиопию, чтобы возглавить восстание против оккупантов, а 5 мая 1941 г. торжественно вступил в Аддис-Абебу. Он благополучно правил своей страной еще 33 года, пока не пал жертвой воспитанников все тех же большевиков...

²⁵ «Мальборо» имел длину 189,8 м и ширину 27,4 м. Экипаж составлял 925 человек.

человек. Теперь казалось ясным, что мы должны сделать все возможное, чтобы обеспечить помещение и пищу для много большего числа пассажиров.

Для начала были освобождены все офицерские каюты на корме судна, всего около тридцати пяти и где возможно в каждой каюте было устроено по две койки или более. Апартаменты капитана были, конечно, оставлены для Ее Величества, а капитан переместился в свою морскую каюту под мостиком. Перемещенные офицеры устраивали для себя спальные места в других частях офицерских помещений. К несчастью, оказались доступны только около тридцати запасных тюфяков, а такая роскошь, как простыни, пользовалась большим спросом. Также все офицеры предоставили в мое распоряжение свои личные припасы, чтобы у меня была возможность организовать размещение наших гостей. <...>

В течение двух недель за исключением обеденного времени, я почти всецело жил с нашими гостями в кормовых помещениях и, поэтому, часто имел возможность для разговора со многими из них. Мне хватило предусмотрительности записать мои впечатления тех дней, а также некоторые детали происходивших событий...

После высадки в Ялте двух офицеров в помощь тем, кто должен был прибыть на борт Мальборо, и, узнав, что Императрица Мария не желает посадки с Ялтинского пирса, мы прошли несколько миль вдоль берега к маленькой бухте, именованной Кореиз, которая находилась в пределах легкой досягаемости от Харакса, любимого летнего дворца Императрицы...

Вскоре мы узнали, что Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Ксения, сестра Императора, и Великие Князья Николай и Петр, кузены Императора, будут среди тех, размещение кого мы должны организовать...

К счастью, прежде чем я дал знать кому-либо из наших гостей какие каюты занимать, я заметил, что на борт прибывает больше пассажиров и оставил каюту, в которой работал с графом Ферзен (из штата Великого Князя Николая Николаевича), чтобы узнать, когда ожидать Императрицу Марию. Как раз за каютой, где свет был довольно тусклый, я увидел двух леди без сопровождения очевидно сомневавшихся, куда им следует идти. Я собирался спросить, кто они, когда понял, что одна из них, старшая маленькая леди, одетая в черное, очень похожая на нашу Королеву Александру не могла не быть Императрицей Марией собственной персоной. В этот момент, граф Ферзен выступил вперед и, отдав честь Императрице, представил меня Ей и сопровождавшей Ее Великой Княгине Ксении. Итак, великая леди бывшая Императрицей всех русских прибыла без оповещения на борт Мальборо... Полностью захваченный врасплох столь бесцеремонной и неожиданной встречей с Ее Величеством, я сопровождал Ее и Ее компаньонку к Капитанской рубке и должен был отступить, когда Великая Княгиня спросила меня, что граф Ферзен и я уже сделали. Услышав,

что я пребывал в некотором сомнении, кого и в каком числе ожидать на борт и когда именно, к моему великому облегчению, Она сказала, что сама пойдет со мной и скажет, как распределить каюты. Было очевидно, что она мгновенно и точно оценила ситуацию и поняла, что если оставить графа Ферзена и меня одних, то в результате выйдет нечто хаотическое. Граф Ферзен постепенно ступешался, полагаю, смутившись, и я оказался во власти крайне очаровательной и способной женщины, точно знавшей, что следовало предпринять и подававшей очень ясные идеи о том, как следует разрешать вопросы.

Итак, первый лист был быстро перевернут и работа сделана в полчаса, включая и невозможную для меня — отдачу необходимых распоряжений русской прислуге теперь начавшей прибывать на борт.

Я затеял спор с Великой Княгиней, когда она отвела себе одну из наименьших и темнейших кают на нижней палубе, одну из многих кают позади корабельной боковой брони. Но прикусил язык, поняв, что она делает это, чтобы личная прислуга Императрицы могла занять каюту, примыкающую к опочивальне Ее Величества. Эту каюту я выбрал для Ее Высочества как наиболее подходящую для лица Ее ранга...»²⁶.

27 января императрица «провела в одиночестве весь день вплоть до чая, когда меня навестили три сестры Барятинские. Они такие красивые и воспитанные и такие печальные»²⁷.

Тем временем отряд продолжал пополняться, и 27 января императрица «приняла двух офицеров моего Псков[ского] полка, прибывших из Ростова. «Я, — писала императрица, —испытала душевное потрясение, снова увидевшись с ними после всех этих страшных событий, случившихся в наше грустное время»²⁸. Возможно, что и эти офицеры прибыли в Крым, чтобы присоединиться к отряду охраны. 4 февраля вновь «приняла трех ранее не знакомых мне офицеров»²⁹. 10 февраля императрица «встретилась с Колдингом, приехавшим с фронта, теперь он будет служить в здешней охране. Все его имущество эти негодяи украли»³⁰.

Условия жизни в «Хараксе» по-прежнему оставляли желать лучшего: «Идет снег, 1 гр[адус] мороза. Страшно мерзну в своей комнате, поэтому руки держу в муфте, а ноги укутываю большим одеялом!»³¹.

²⁶ Pridham F. Close of a Dynasty.

²⁷ Дневники. С. 295. События последующих двух лет приведут к гибели многих членов семьи Барятинских, в том числе и одной из трех сестер, и окажутся напрямую связанными с отъездом из Крыма лиц императорской фамилии...

²⁸ Дневники. С. 295.

²⁹ Там же. С. 297.

³⁰ Там же. С. 299.

³¹ Там же. С. 295.

Но развлечения для молодежи все же случаются, и 7 февраля «Дмитрий с восхищением рассказал о своем вчерашнем посещении большой англ[ийской] подводной лодки, необычайно заинтересовавшей его. Мы видели итальянский крейсер, на медленном ходу проследовавший мимо нас к Ялте»³².

15 февраля из газет императрица узнает о расстреле великих князей в Петрограде: «Газеты сообщают ужасающую новость, будто бы четверо несчастных — Пауль, Митя, Николай и Георгий — расстреляны. Не могу поверить в правдивость этих известий — уж слишком это изуверское и мерзкое деяние!»³³. 3 марта подтверждение этому известию императрица прочла в английских газетах, но по-прежнему не хотела верить случившемуся³⁴.

18 февраля «Ксения получила письмо от Сандро. Он пишет, что ему не разрешили приехать в Англию — en comble! Лорд Дерби в Париже показал ему депешу о необходимости to postpone his arrival. Он, по-видимому, очень разочарован! Но как же все это странно, если не глупо»³⁵.

24 февраля императрица разбила раму с портретом Александра III, а 25 февраля «в 4 часа пополудни прибыли Петюша и Милица, на голове которой красовалось нечто вроде чепчика. Они приехали измерить раму портрета, чтобы вставить новое стекло»³⁶.

25 февраля императрица «приняла четырех новых офицеров охраны, одного конногвардейца Ширкова и Холла, который всегда ходит в гражданском»³⁷.

6 марта императрица отметила, со слов Зинаиды Менгден, что «в Ай-Тодоре подавленное настроение, поскольку большевики где-то одержали еще одну победу, — весьма неприятная новость»³⁸.

12 марта императрицу посетил командир крейсера «Шелдрейк» Шампьон де Креспиньи, предавший телеграмму от знакомого ей капитана Ройдза, «который полагает, что ситуация складывается угрожающая и поэтому мне лучше всего уехать на борту его „Кентербери“». Я восприняла эти слова спокойно и повторила, что весьма благодарна, но не понимаю причины такой озабоченности. Офицер заявил, что в Ялте, по его мнению, все спокойно и он тоже не понимает, в чем заключается ухудшение обстановки»³⁹.

13 марта тот же посетитель пришел вновь и сообщил, что «получил плохие известия из многих мест — Херсона, Николаева, Керчи и с Перекопа, где слиш-

³² Дневники. С. 298.

³³ Там же. С. 301.

³⁴ Там же. С. 307.

³⁵ Там же. С. 302.

³⁶ Там же. С. 304–305.

³⁷ Там же. С. 305.

³⁸ Там же. С. 307.

³⁹ Там же. С. 309.

ком мало войск для противостояния больш[евикам], которые собираются перейти в наступление. К счастью, он задержал к[рейсер] „Шелдрейк“ в Ялте, о чем я его просила и что произвело должный эффект — никаких демонстраций не было, да и в Севастополе снова, к счастью, спокойно»⁴⁰. Все же за 52 года пребывания на чужбине императрица неплохо изучила особенности поведения народов своего государства.

15 марта 1919 г. впервые за четыре месяца императрица вместе с Софи Ферзен «отправились к маяку погреться на солнышке»⁴¹, а 18 марта Долгорукий передал ей доставленную русским офицером Светловым «целую пачку писем из Дании» от ее сестры Тюры, младшего брата Вальдемара, принца Акселя и от короля Кристиана X⁴². К вечеру того же дня еще одно письмо от любимой сестры Александры из Лондона «доставил некий Гурко»⁴³. Уже утром следующего дня направляющийся в Севастополь крейсер «Шелдрейк» увозил ответное послание императрицы сестре в Лондон. Тогда же Мария Феодоровна «получила целую пачку писем от моей любимой Аликс, некоторые из них написаны в 17-м и 18-м годах и тогда же отправлены ей обратно, и вот теперь мне, слава Богу, передали их англичане»⁴⁴ — письма сестер словно жили своей индивидуальной жизнью... Уже 24 марта некий полковник Слезновский, едущий в Копенгаген через Англию, увозит с собой письмо брату императрицы Вальдемару⁴⁵.

25 марта капитан Ройдз «принес телеграмму из Новороссийска, от имени Деникина, в которой сообщается, что мне лучше покинуть страну, так как положение ухудшилось. От этого и вправду с ума можно сойти»⁴⁶.

26 марта в «Харакс» явился генерал Гартман «с тем же донесением, на этот раз от самого ген[ерала] Деникина, который советует мне покинуть Крым, поскольку не считает свое положение достаточно прочным, чтобы взять на себя ответственность за мою безопасность. <...> К чаю приехала Зинаида Ю[супова], однако нашу очень приятную беседу прервал новый визит Гартмана, пришедшего с ответом от Николаши. В настоящий момент он не собирается покидать страну, но в случае, если в том возникнет необходимость, он будет весьма признателен англичанам за предоставленную возможность уехать на их корабле, то есть примерно то же, что я им уже сообщила»⁴⁷.

⁴⁰ Дневники. С. 310.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 311.

⁴³ Там же. С. 312.

⁴⁴ Там же. Запись от 19 марта. С. 316.

⁴⁵ Там же. С. 314.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 315.

27 марта некий молодой датчанин Кай Лайборн вновь привез письма из Дании, а 28 марта Марию Феодоровну навестил великий князь Николай Николаевич.

29 марта императрицу посетил командир британского корабля «Калипсо» Тесайджер. Он «был очень любезен и говорил, что находится в полном моем распоряжении. Я его премного благодарила. Затем я приняла лейтенанта Вудхауса, командира малого крейсера, стоящего на якоре у Ялты. <...> Затем примчался Долгорукий и спросил, правда ли, что, как следует из слов Тесайджера, я собираюсь немедленно уезжать. Я пришла в негодование, передала капитану, чтобы он сразу же снова поднялся наверх. Я спросила его, что все это означает. Он ответил, что, поскольку поступили плохие новости о взятии Перекопа и т.п., мне совершенно необходимо уехать. Поэтому он от моего имени и решил телеграфировать адмиралу, чтобы тот немедленно прислал свой корабль „Тимерери“. Quelle tableau! Я, разумеется, заявила протест и сказала, что Николаша тоже получает донесения и обещал загодя ставить меня обо всем в известность. Однако сей любезный господин был настолько поглощен своими делами, что совершенно не слышал моих слов и, спустившись вниз, снова объявил, будто дело решено, корабль прибудет, багаж мой должен быть готов завтра, а послезавтра, в понедельник, я уеду! Какой вздор! К счастью, его отправили в Дюльбер, и Н[иколаша] подтвердил, что сейчас уезжать не намерен. Внутри у меня все кипело, и не с кем было поговорить»⁴⁸. Вскоре императрица отправила барона Менгдена к великому князю Николаю Николаевичу: «Он возвратился, весьма довольный состоявшейся беседой, и сообщил, что положение, по всей видимости, не столь плохое что Н[иколаша] не видит необходимости в отъезде. <...> и я отправилась спать в лучшем настроении»⁴⁹.

2 апреля незнакомым императрице британским офицером была доставлена последняя порция писем от сестер и знакомых из Англии и Дании⁵⁰.

3 апреля два американских офицера привезли великой княгине Ксении Александровне письмо от мужа из Парижа⁵¹.

4 апреля императрица «приняла восьмерых новых офицеров охраны, среди которых оказался датчанин Колдинг де Шабер, прибывший из Одессы. Он надеется, что вскоре ему удастся ненадолго съездить домой»⁵². К 4 часам прибыл Ногаец: «Он надеется теперь попасть в Харакс, поскольку откомандирован в Дюльбер»⁵³.

6 апреля, в воскресенье, в 10 часов утра Долгорукий и Вяземский принесли «известия о взятии Перекопа этими негодьями большевиками. Известия и

⁴⁸ Дневники. С. 317.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 319.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

впрямь неприятные, тем более, что я уже поверила, будто опасность миновала. Не знаю, право, что тут думать и кому верить. В 11 часов утра пришла Ксения, сразу после того как я приняла двух офицеров. Один из них — молодой Балашов — жутко заикается. Он прибыл прямо из Одессы и передал, что находящиеся там верные люди предлагают в случае, если мне придется покинуть страну, уехать на российском судне — очень любезно и трогательно с их стороны. <...> Затем пришел любезный Менгден, который предложил проводить двух прибывших ко мне анг[лийских] капитанов сначала к Николаше, что он и сделал после моей встречи с ними. Они снова призывали меня уехать, поскольку обстановка ухудшилась, я же отвечала, что сделаю то же, что и Николаша, если ситуация не улучшится. Внутри у меня все кипело, и чтобы успокоиться, я вышла с Ксенией в сад, тем более что погода была замечательная. <...> Я узнала, что прибыл Ногаец, сразу же пригласила его войти и предложила ему чаю. Он такой славный и тонкий человек, и я была очень рада снова встретиться и побеседовать с ним. Затем вернулся Менгден, рассказал о результатах визита англичан в Дюльбер. Он и вправду лучший человек на земле, такой спокойный и на меня действует умиротворяюще»⁵⁴.

9 и 10 апреля, уже на борту «Мальборо», императрица упоминает о неприятном событии, явившемся прологом трагедии семей Барятинских и Мальцовых, разыгравшейся полтора года спустя и столь пронзительно описанной Иваном Сергеевичем Шмелевым в его жутком «Солнце мертвых».

Как отметила императрица, в среду 9 апреля у нее «были Сережа Мальцов и Воля Барятинский, умолявшие взять с собой его (Барятинского) мать Надин Бар[ятинскую] с семьей. Я, разумеется, с радостью согласилась, как только Николаша и К^о нам об этом рассказали. (Я-то думала, что они переберутся на другой корабль). Сильнейший ветер гнал огромные волны, из-за чего небольшим судам с багажом и т.п. было очень трудно пристать к крейсеру. В Ялте, по всей вероятности, жуткая паника — все эти несчастные люди, разумеется, хотят бежать»⁵⁵. 10 апреля Мария Феодоровна записала, что «во второй половине дня Николаша побывал у адмирала на борту его корабля, вернулся очень довольным и поведал, что тот разрешил ему остаться здесь и продолжить путешествие. Вот чудеса-то! Я сказала, что все это очень неприятно, ведь я пригласила к[нягиню] Барятинскую и всю ее семью. Он ничего не захотел слушать и в ответ только просил передать ей, что для них здесь места нет, — какая бесцеремонность и какая наглость! От моих господ хороших ни пользы, ни помощи [кн. С. Долгорукий и Н. Вяземский]. Мне все пришлось делать самой, а в жизни я никогда такими делами не занималась. <...> Я просила Вяз[емского] отправиться к Надин Бар[ятинской], чтобы лично — и по доброму — объяснить

⁵⁴ Дневники. С. 320.

⁵⁵ Там же. С. 323.

ей создавшееся положение. Он же вместо этого отправил ей вечером телеграмму и сделал только хуже. Никогда ни с чем подобным не сталкивалась. Тогда я сама перед сном написала ей. Я воспользовалась случаем и рассказала Тышкевичу, в какое неприятное положение меня поставил Н[иколаша], оставшись на борту. Он все прекрасно понял и позднее говорил с ним, но разговор этот так ничего и не изменил. Стало быть, они теперь сидят у нас на шее и никак нам от них не избавиться»⁵⁶.

Только уже на рейде Константинополя, в понедельник 14 апреля императрица с видимым удовольствием записала: «Наконец-то окончательно решено, что дюльберцы переберутся на другой корабль, — весьма приятное известие. Сами разговоры они об этом не заводят, молчат»⁵⁷.

Освободившиеся места на «Мальборо» в Константинополе заняли столь любезная и преданная императрице «вся семья Менгденов — отец, мать, двое сыновей, причем старший со своей юной женой Ириной, урожденной Шереметевой, г-жа Ершова, Шателены с прелестным маленьким сынишкой и Апрак[сина]. Все они отправляются с нами на Мальту. Какое счастье, что теперь места у нас достаточно и они могут разместиться на нашем корабле»⁵⁸.

* * *

Текст⁵⁹ воспоминаний полковника Сергея Александровича Апухтина публикуется по фотокопии хранящегося в архиве Главнокомандующего Русской армии П. Н. Врангеля автографа, находившейся у Владимира Николаевича Котляревского, сына секретаря П. Н. Врангеля Николая Михайловича Котляревского. Копия предоставлена графиней Марией Николаевной Апраксиной — сестрой В. Н. Котляревского. На нескольких из 49-ти листов рукописи имеются позднейшие зачеркивания. Эти фрагменты текста помещены в []. Рукопись, послужной список и прошение публикуются согласно правил современной орфографии с сохранением авторской пунктуации и всех прочих авторских особенностей.

После завершения миссии «Особого отряда» автор воспоминаний продолжил антибольшевистскую борьбу в Грузии, участвовал в походе генерал-лейтенанта Н. Э. Бредова в Польшу. Оказавшись вместе с братом Владимиром в Коро-

⁵⁶ Дневники. С. 323

⁵⁷ Там же. С. 325.

⁵⁸ Там же. Запись от 17 апреля. С. 327.

⁵⁹ Следует отметить, что ранее текст воспоминаний С. А. Апухтина, включая и публикуемую ниже их часть, был опубликован в малотиражном издании и недоступен широкой читательской аудитории. Первую публикацию см.: Воспоминания С. А. Апухтина (продолжение). Отряд Особого Назначения для Охраны Лиц Императорской Фамилии, находящихся в Крыму (1918 г.) // Союз дворян = Union de la Noblesse Russe: Bulletin interieur de l'Union de la Noblesse Russe. Париж, 2007. № 102. С. 3–19. — Ред.

левстве сербов, хорватов и словенцев, вернулся в Россию, где в 1920 г. вновь нес службу в Крыму рядовым Таганрогского полка, затем — командиром стрелкового полка немцев-колонистов. 1 ноября 1920 г. эвакуировался с войсками в Константинополь, после переехал в Болгарию. К ноябрю 1925 г. жил в Белграде, затем перебрался во Францию, где гражданской специальности не приобрел, хотя и намеревался, кажется, поступить в Русский православный богословский институт на Сергиевском Подворье в Париже, куда принят не был. Живя во Франции, долгие годы работал на виноградниках своих родственников Иловайских, затем переехал в США, где и умер 11 мая 1969 г. в Хартфорде, штат Коннектикут.

Список источников и литературы

1. Александр Михайлович, вел. кн. Книга воспоминаний. III. Приложение к «Иллюстрированной России» на 1934 г. Париж, 1934. (Библиотека «Иллюстрированной России»; кн. 48).
2. Булыгин П. П. Убийство Романовых. Достоверный отчет / пер. В. Шеффера; ред. пер. Т. С. Максимовой. М., 2001.
3. Вонсяцкий А. А. Против большевиков. (Отрывок из воспоминаний) // Часовой. 1930. № 25 (15 февраля). С. 26–28.
4. Дневники императрицы Марии Федоровны. М., 2007.
5. Ольга Александровна, вел. кн. Мемуары / пер. с англ. И. В. Гюббенет; запись Я. Ворреса. М., 2003.
6. Парижский вестник. 1943. № 31 (16 января, суббота). С. 3.
7. Собрание О. И. Залынского. Брюссель.
8. Часовой. Брюссель. 1930. № 30. С. 23–24; 1931. № 63. С. 25; 1960. № 410. С. 19; 1963. № 444. С. 22; 1966. № 486. С. 23; 1972. № 549. С. 19; 1975. № 588–589. С. 19; № 592. С. 16; 1976. № 598. С. 15; 1981. № 634. С. 22.
9. Шавельский Г., протопресв. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Н.-Й., 1954. Т. I–II.
10. Юсунов Ф. Ф. Мемуары / пер. с франц. Е. Кассировой. М., 1998.
11. Ящик Т. К. Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. СПб., 2007.
12. Bulygin P. La fine dei Romanoff 1918. Con una parte introduttiva di Alessandro Kerenski. Milano, 1935. 269 p. (I Libri Verdi, drammi e segreti della storia; 27).
13. Bulygin P. The Murder of the Romanovs. The Authentic Account. Including the Road to the Tragedy by Alexander Kerensky. With an Introduction by Sir B. Pares. With 38 illustrations. Hutchinson & C°. London, 1935.
14. Pridham F. Close of a Dynasty. With a foreword by Her Imperial Highness the Grand Duchess Xenia Alexandrovna of Russia. London, 1956. 176 p. 2nd Edition: Royalty Digest, Sussex, 1997.

Alexander K. Klementiev

**SPECIAL DETACHMENT FOR THE PROTECTION OF MEMBERS
OF THE IMPERIAL FAMILY IN THE CRIMEA
IN OCTOBER, 1918 — APRIL, 1919**

Abstract. This essay on the history of creation and functioning of the “Special Purpose Detachment for the Protection of Persons of the Imperial Family in Crimea” written after World War II by Colonel Sergey Alexandrovich Apukhtin, Assistant Commander of the Detachment, is dedicated to the events of the last period of stay of the Russian Imperial family members in their Crimean possessions in October, 1918 — April, 1919. Until now, there has been practically no mention in the press about the activities of this Detachment, which arose with minimal assistance of the Volunteer Army; and its members rarely spoke about those days, fulfilling a mutual agreement.

Little was known about the conditions for the formation, the personnel and strength of the Detachment, the security principles as well as conditions for its deployment, supply, and service specifics including contacts with the outside world: from the Germans, recent enemies, and then assistants, to the civilian population; the relations of the Detachment members with the highest persons protected by them were also not covered. The creation of the “Special Purpose Detachment” was the result of a private initiative of half a dozen officers of the Imperial Russian Army, in their large part aristocrats from hereditary military families, who stayed loyal to the oath.

According to many of their contemporaries, both Russians and foreigners, the happy rescue of the Russian Empress, her daughters and other members of the Imperial family from inevitable death in the “happiest country in the world” became the first stage of a tangible failure of Bolsheviks, which began to manifest itself with the successful evacuation of parts of the Russian army of Wrangel and constantly reminded of itself until the inevitable disappearance of the Communist state. As a result of these two evacuations, as well as subsequent, less significant ones, a small but free Russia was formed outside the Soviet territory, stubbornly declaring to the whole world about the unwillingness and impossibility for a huge number of Russian citizens of all classes to recognize the anti-Christian state organism that arose in their Fatherland. In this regard, of great interest is the testimony of the author of memoirs about the exceptionally benevolent attitude of the local indigenous population, and first of all the Crimean Tatars, towards the Imperial family and their guards, and about sharp rejection of Bolsheviks by a significant part of the population of the peninsula, which never became Soviet in the generally accepted meaning of this word. The published document significantly complements the picture of the Crimean life of the Imperial family persons, described in detail by Empress Maria Feodorovna in her most interesting Diary, which has become widely known.

Keywords: *Special purpose detachment for the protection of persons of the Imperial family in Crimea, S. A. Apukhtin, Empress Maria Feodorovna, the Romanovs in Crimea, evacuation of the Imperial family members from the Crimea, Imperial and grand-ducal estates and palaces in the Crimea, British fleet in the Crimea during the Civil war.*

Citation. Klementiev A. K. Osobyi otriad po okhrane lits imperatorskoi familii v Krymu v oktiabre 1918 — aprele 1919 g. [Special Detachment for the Protection of Members of the Imperial Family in the Crimea in October, 1918 — April, 1919]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2022, no. 39, pp. 304–359. DOI: 10.24412/2224-5391-2022-39-304-359

About the author. Klementiev Alexander Konstantinovich — Historian, archivist, author of the study on the history of the Russian Orthodox Church in emigration (Russia, Saint Petersburg). *E-mail: niteroy@rambler.ru*

Submitted on 03 July, 2022

Accepted on 09 September, 2022

References

1. Aleksandr Mikhailovich, vel. kn. *Kniga vospominanii. III. Prilozhenie k «Illiustrirovannoi Rossii» na 1934 g.* [Book of Memories. III. Supplement to the “Illustrated Russia” Edition for 1934. Book 48]. Paris, 1934. (Biblioteka «Illiustrirovannoi Rossii» [Library of the Edition “Illustrated Russia”]).
2. Bulygin P. *La fine dei Romanoff 1918. Con una parte introduttiva di Alessandro Kerenski.* Milano, 1935. (I Libri Verdi, drammi e segreti della storia; 27).
3. Bulygin P. *The Murder of the Romanovs. The Authentic Account. Including the Road to the Tragedy by Alexander Kerensky. With an Introduction by Sir B. Pares.* Hutchinson & C°. London, 1935.
4. Bulygin P. P. *Ubiistvo Romanovykh. Dostoverniy otchet* [The Murder of the Romanovs. The Authentic account]. V. Sheffer (transl.). Moscow, 2001.
5. *Chasovoi — Guard*, Bruxelles, 1930, no. 30, pp. 23–24; 1931, no. 63, pp. 25–26; 1960, no. 410, p. 19; 1963, no. 444, p. 22; 1966, no. 486, p. 23; 1972, no. 549, p. 19; 1975, no. 588–589, p. 19; 1975, no. 592, p. 16; 1976, no. 598, p. 15; 1981, no. 634, p. 22.
6. *Dnevnik imperatritsy Marii Fedorovny* [Diaries of Empress Maria Feodorovna]. Moscow, 2007.
7. Ol'ga Aleksandrovna, vel. kn. *Memuary* [Memoirs]. Moscow, 2003.
8. *Parizhskii vestnik — Paris Herald*, 1943, no 31 (16th January, Saturday), p. 3.
9. Pridham F. *Close of a Dynasty.* London, 1956.
10. Shavel'skii G., protopresv. *Vospominaniia poslednego protopresvitiera Russkoi armii i flota* [Memoirs of the Last Protopresbyter of the Russian Army and Navy]. New-York, 1954, vol. I–II.
11. Vonsiatskii A. A. *Protiv bol'shevikov. (Otryvok iz vospominanii)* [Against the Bolsheviks. (Excerpt from memories)]. *Chasovoi* [Guard], 1930, no. 25 (15th February), pp. 26–28.
12. Yashchik T. K. *Riadom s imperatritsei. Vospominaniia leib-kazaka* [Next to the Empress. Memoirs of a Leib Guard Cossack]. 2-nd ed. Saint Petersburg, 2007.
13. Yusupov F. F. *Memuary* [Memoirs]. Moscow, 1998.

ТЕКСТЫ

I.

Сергей Апухтин

Отряд особого назначения для охраны Лиц Императорской Фамилии в Крыму

[с. 1] В середине августа 1918 г. в городе Екатеринодаре на Кубани собралось довольно много офицеров Гвардейской пехоты. Всех этих офицеров с большими трудностями и опасностями пробиравшихся через оккупированную немцами Украину зачисляли в 16-ую роту Марковского полка¹. Предполагалось, что с прибытием достаточного числа офицеров и пополнения солдатами-добровольцами и пленными красноармейцами эта рота развернется в самостоятельный гвардейский полк.

Моего Лейб-Гв[ардии] Петроградского полка² было уже десять офицеров, и мы были обрадованы приездом полковника Вагина, доблестного нашего однополчанина, который недавно добрался на Кубань, и мы мечтали, что он нас возглавит.

Мы часто собирались по вечерам у одного из нас, делились впечатлениями пережитого и надеждами на будущее. Особенно много разговоров вызывало потрясшее нас событие — гибель Царской Семьи в Екатериненбурге [sic!]. Да и как могло быть иначе! Какое-то пятно чего-то неделанного легло на всех нас. Мы, молодые офицеры, чувствовали свою вину, думали, что могло бы быть иначе. Но преступление || [с. 2] совершилось, и мы ничего уже изменить не могли.

Совершенно естественно, что с разговорами об Екатериненбургских [sic!] злодеяниях мы говорили и о Лицах Императорской Фамилии, живших в Крыму. Точно мы даже не знали, кто именно там находится и где именно они живут. Но наверняка знали, что там Императрица-Мать и Великий Князь Николай Николаевич. Они жили в Крыму под немецкой оккупацией. Немецкий фронт трещал по всем швам, среди оккупационных войск шло сильное брожение и требование вернуться на родину.

Что произойдет, если немцы уйдут из Крыма?

Я помню, как уже поздно ночью после долгих разговоров на эту тему мой друг и однополчанин Булыгин³ и я как-то одновременно поняли и сказали громко: «С уходом немцев в Крыму сразу же появится власть большевиков. Это неотвратимо. Нет никаких сил этому противопоставить. И, если это случится, судьба Лиц Императорской Фамилии предрешена. Мы этого допустить не можем. Никакого оправдания этому новому позору, который упадет на нас, не будет».

Надо было немедленно что-нибудь предпринять, чтобы вывезти членов Династии из Крыма.

¹ В Послужном списке С. А. Апухтина указано: «1918 г. 8-го сентября прибыл в Добровольческую Армию рядовым 13-й Роты Марковского Офицерского полка». (Частное собрание).

² Лейб-гвардии Петроградский полк был возрожден в Добровольческой армии и имел сформированный 16 сентября 1919 г. батальон в Сводном полку Третьей гвардейской пехотной дивизии. Полковник С. А. Апухтин значится командиром батальона на 24 октября 1919 г.

³ Павел Петрович Булыгин (23 января / 5 февраля 1896 г., Владимир — 17 февраля 1936 г., Асунсион) в 1924–1934 гг. жил в Эфиопии, в 1934 г. переехал в Прибалтику. Возглавил группу русских старообрядцев, желавших переселиться из Латвии и Литвы в Южную Америку. Переехал в Парагвай. Умер 17 февраля 1936 г.

Особый отряд по охране лиц императорской фамилии в Крыму...

Мы сейчас же начали составлять планы довольно || [с. 3] наивные и фантастические. Ведь мы были офицерами Добровольческой Армии, подчинились ее командованию и ничего не могли предпринять без ведома и согласия своих начальников. Но как же наши начальники не думают об участии членов Царской Семьи? Наверное командование имеет свои планы, и, может быть, наше вмешательство испортит то, что до времени должно быть тайным.

Эту августовскую душную ночь мы, несколько офицеров Лейб-Гв[ардии] Петроградского полка, провели в бесконечных предположениях и рассуждениях. К утру наш план был таков:

Мы просим командование отпустить нас 10–15 офицеров в Крым. Мы сами соберем этих офицеров, друг друга знающих и совершенно доверяющих один другому. Мы просим поставить во главе нас полковника Вагина, которого знаем, уважаем, любим, и который показал себя за время войны и революции храбрым и верноподданным офицером. Разными путями мы проникаем в Крым в район жительства членов Династии.

Все это должно быть сделано скрытно, так, чтобы немцы не заподозрили в нас офицеров Добровольческой Армии, так как наша армия продолжала быть в состоянии войны с германской армией и сохраняла верность союзникам. Ехать в Крым мы должны были в штатском платье в разных || [с. 4] направлениях, и к определенному сроку собраться в районе Дюльбера [sic!], где, как мы предполагали, жил Великий Князь Николай Николаевич.

По прибытии в Крым мы входим в сношение с членами Династии и объявляем им цель нашего прибытия. В условленный день вечером к Юсуповскому пляжу в Кореизе подходит судно, мы даем ему сигнал костром. Если с судна костра не обнаружат, значит условия изменились, и надобности в нем нет. На это, прибывшее из Новороссийска судно, мы предполагали посадить членов Династии и погрузиться сами.

В плане нашем было много фантазии, незнания обстановки, но масса молодой восторженности и самопожертвования.

И вот уже на следующий день Булыгин и я начали свои хлопоты для осуществления проекта. Прежде всего мы решили пойти к Василию Витальевичу Шульгину, члену Государственной Думы. Он жил в Екатеринодаре, издавал самую продобровольческую газету и, как мы знали, пользовался большим влиянием на высших чинов командования.

После долгих разговоров⁴ Шульгин, видимо нехотя, обещал нам рекомендовать командованию отпустить нас в Крым.

В штабе командования сначала у полковника Пронина, || [с. 5] потом у полковника фон Лампе (бывшего офицера Лейб-Гв[ардии] Семеновского полка и офицера Генерального Штаба⁵) я изложил наш план и получил приказание представить докладную записку и список офицеров, предназначавшихся для поездки в Крым.

Моя докладная записка была написана так, как я изложил раньше наш проект, а в список офицеров вошли, поскольку я помню:

Старшим: Лейб-Гв[ардии] Петроградского полка полковник Вагин,

⁴ Далее зачеркнуто [видимо нехотя].

⁵ Далее зачеркнуто ныне глава Р.О.В.С.^а

Того же полка капитан Апухтин⁶,
" " штабс-капитан Белявский,
" " поручик Булыгин,
Л.-Гв. Литовского полка поручик Бутцко,
Л.-Гв. Преображенского полка прапорщик Карлинский,
Л.-Гв. 2-го Стрелкового полка штабс-капитан Чернов,
" 4-го " Императорской фамилии полка поручик Апухтин⁷,
Собственного Его Величества Конвоя хорунжий Грамотин,
Марковского полка поручик Долгов,
Женского батальона унтер-офицер Кирпичникова.

На включении ее особенно настаивал Булыгин, считая ее храброй, исполнитель-ной и нужной в случае необходимости быть при Императрице. || [с. 6] Фамилий дру-гих 3–4 человек не помню, к большому моему сожалению, потому что это были дос-тойные памяти офицеры.

С подачей докладной записки нам оставалось только ждать решения командования.

С большим волнением узнавали мы новости из Украйны и Крыма. Между тем шла усиленная и спешная работа по формированию Гвардейского полка. Каждый день при-езжали новые офицеры.

В Екатеринодаре шли слухи о тяжелой болезни генерала Алексеева⁸ и, наконец, в двадцатых числах сентября мы узнали, что генерал скончался.

На его похороны приехал из Новороссийска полковник Кутепов⁹, старший гвар-дейский офицер-Преображенец, который для нас был авторитетом.

Я встретился с ним на паперти собора по окончании похорон генерала Алексеева и просил назначить мне время для разговора. Полковник Кутепов был очень занят, и я мог повидаться с ним только в его вагоне поздно вечером, когда поезд увозил нас в Новороссийск. Кутепов возвращался к месту службы, я же имел поручение туда от командира Гвардейского полка.

Мой разговор с Кутеповым так же, как и раньше || [с. 7] с Шульгиным, ни к чему не привел.

Кутепов был против нашей поездки в Крым, считая это авантюрой. По его мнению участь Крыма была предрешена. С уходом немцев там власть захватят большевики. Армия ничего не может сделать, чтобы помочь членам Династии. «Вы, мальчишки, фантазируете, не понимаете, как каждый из вас здесь нужен, и как Главнокомандую-щий ценит вас на вес золота. Впрочем, рекомендовать не буду — не буду и препятство-вать, хоть и знаю, что вы погибнете в Крыму совершенно зря. Моих Преображенцев не дам, их не соблазняйте».

⁶ То есть сам автор публикуемых воспоминаний.

⁷ Владимир Александрович Апухтин (1896 — 10 мая 1975, Ницца). Окончил Пажеский корпус, служил в 4-м Стрелковом императорской фамилии полку. Награжден орденом святого Георгия IV степени за бои на Сто-ходе (Часовой. 1975. № 588–589. С. 19; № 592. С. 16).

⁸ Генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев (1857 — 8 октября 1918) — руководитель Добровольчес-кой армии.

⁹ Полковник Александр Павлович Кутепов (1882–1930) в описываемое время был командиром первой брига-ды первой пехотной дивизии Добровольческой армии, а 12 ноября 1918 г. был произведен в генерал-майоры.

Особый отряд по охране лиц императорской фамилии в Крыму...

На мой вопрос, можно ли ехать прапорщику Карлинскому, Кутепов удивленно ответил: «Ведь он инвалид, зачем он вам нужен? Но, если хотите, я не возражаю».

[Таким образом и Шульгин и Кутепов были одного мнения. Поездка в Крым — это авантюра и только красивый жест без всякой пользы для членов Династии.]

Два дня я пробыл в Новороссийске, и, когда вернулся в Екатеринодар, встретивший меня на вокзале поручик Белявский сказал, что полк выступил под Армавир, он же остался, чтобы дожидаться меня, так как меня вызывает полковник фон Лампе в штаб.

Был уже вечер, но полковник фон Лампе работал || [с. 8] в своем кабинете. К моему большому удивлению и радости он объявил мне, что Главнокомандующий разрешил поездку в Крым. Моя докладная записка одобрена, о расхождениях в деталях легко сговориться, а, главное, что несмотря на трудности в финансовом вопросе, нам предоставлены необходимые средства.

«Собирайте ваших людей», — сказал полковник, — «и Бог вам в помощь».

Но людей в Екатеринодаре не было. Все предназначенные нам офицеры выступили с полком под Армавир.

В ту же ночь прямо из штаба мы с Белявским отправились догонять полк. Поезд дошел до станции Кубанской. Армавир был занят красными; и на рассвете полк выступил и завязал бой с ними.

Вдвоем мы шли в сторону Армавира. Слышна была сильная ружейная стрельба и виднелись разрывы шрапнели. Начали встречать раненых и выяснили, что полк потерпел неудачу. Понесся огромные потери, он поставленную задачу выполнить не мог.

В числе убитых оказался и доблестный полковник Вагин, наш старший офицер.

Мой брат¹⁰ был легко ранен. ||

[с. 9] Собрав назначенных к поездке офицеров, мы вернулись в Екатеринодар. Вместо погибшего полковника Вагина я предложил полковнику Лампе назначить за старшего Л.-Гв. Петроградского полка полковника Федотова, который командовал офицерской ротой Марковского полка.

Лампе согласился, но Марковский полк был отправлен опять-таки к Армавиру, очищение которого командование считало¹¹ чрезвычайно важным. В последующем бою полковник Федотов был тяжело ранен, и возглавить нас не мог. Все офицеры нашей группы просили меня стать во главе. Сделать этого я не мог по молодости и неопытности. Я знал, что штаб не согласится с моей кандидатурой. Никого из старших гвардейских офицеров на-лицо не оказалось, и полковник фон Лампе объявил мне, что Главнокомандующий назначил нашим начальником полковника Федотьева¹². В этот же день я с ним познакомился. Это был бывший офицер 17[-]го Архангелогородского полка, теперь служащий в штабе генерала Деникина. Так как генерал Деникин командовал этим полком до первой Мировой войны, то, очевидно, хорошо знал этого офицера.

Полковник Федотьев был отличным боевым офицером, Георгиевский кавалер, очень энергичный и имевший большие связи и знакомства в штабе. Казалось лучшего выбора || [с. 10] не могло и быть.

¹⁰ Владимир Александрович Апухтин.

¹¹ *Далее зачеркнуто* очень.

¹² Полковник Илларион Викторович Федотьев (1880, Луцк — 25 марта 1960, Буэнос-Айрес) — командир 17-хотного Архангелогородского полка. Командир Отряда особого назначения (Часовой. 1960. № 410. С. 19).

Надо было торопиться. Согласно плану мы разделились по двое, получили деньги на покупку штатского платья, различные фальшивые документы, скрывавшие наше офицерское звание и цель нашего путешествия. Все было готово, и между 10-тым и 15-тым октября мы тронулись в путь¹³.

В Ростове на дружественной нам территории Войска Донского мой брат и я приобрели отчаянное штатское платье, переоделись, и я подумал, что, вероятно, похож на чинов полиции генерала Спиридовича¹⁴ в штатском платье. Мы заехали в Киев, затем в Харьков и Севастополь, оттуда на извозчике [sic!] в Алупку. По пути пассажиры поезда неоднократно подвергались проверке документов и осмотру багажа со стороны немецких военных чинов и украинских полицейских. Но наши документы внушали доверие, и поездка прошла благополучно. В Алупке нас ждал приехавший раньше Белявский, а полковник Федотьев и другие были уже в Ялте и около Дюльбера.

Дюльбер представлял из себя большой дом-дворец, окруженный парком на самом довольно обрывистом берегу моря. Парк со стороны¹⁵ нижнего шоссе из Ялты в Алупку был отделен высокой каменной оградой || [с. 11] с большими воротами. У ворот стоял немецкий солдат-часовой.

Рядом с Дюльбером с юга, отделенное от него пересохшей речкой с мостом на шоссе, было имение князя Юсупова — Кореиз — с довольно каменистым пляжем, большими виноградниками и скрытым в парке старинным дворцом. Выше в горы у верхнего шоссе было татарское селение с мечетью и православной церковью. Севернее Дюльбер граничил с имением «Барбо», принадлежащим чешскому политическому деятелю доктору Крамаржу¹⁶.

Его самого не было, и в имении жила семья московского инженера Ярморкина.

Выше Дюльбера был целый ряд дач; среди них выделялись дачи графини Паниной¹⁷ и княгини Орловой¹⁸. Совсем вблизи нижнего шоссе находилась дача личного врача Великого Князя, доктора Малама¹⁹. Это была заново построенная санатория, совершенно законченная постройка, но вследствие войны и революции не открытая, не обставленная, с незаконченным отоплением и т. д.

¹³ В послужном списке С. А. Алухтина указано: «1918 г. 20 октября командирован помощником Начальника Отряда охраны Лиц Императорской Фамилии, находящихся в Крыму» (Частное собрание).

¹⁴ Со Спиридовичем и его супругой Маргаритой Александровной императрица Мария Феодоровна познакомилась уже в Крыму 13 октября 1918 г.: «В 10 часов утра я приняла Спиридовича, которого прежде не знала. Он бросился, рыдая, передо мной на колени, стал целовать руку, что мне было в высшей степени неприятно. Затем он попросил разрешения войти его жене, встреча с которой проходила в присутствии Ксении и Ольги. Он, наверное, личность интересная и многое знает, но у меня отсутствовало всякое желание его о чем-либо расспрашивать, и я была рада, когда все завершилось». (Дневники. С. 266).

¹⁵ *Далее зачеркнуто* ня.

¹⁶ Карел Крамарж (1860–1937) — с 14 ноября 1918 г. первый премьер-министр новой Чехословацкой Республики.

¹⁷ Софья Владимировна Панина (1871–1956) — владелица дворца в Гаспре.

¹⁸ Вероятно, речь идет об имении «Селям» графа Сергея Владимировича Орлова-Давыдова в местности Магарач.

¹⁹ Действительный статский советник лейб-медик Императорского двора доктор Борис Захарович Малама умер в Париже 5 февраля 1972 г. (Часовой. 1972. № 549 (март). С. 19).

Особый отряд по охране лиц императорской фамилии в Крыму...

Мы обходили ближайшие дачи и татарские дома, справляясь о найме комнат и, так как часто попадали в дома, где до нас уже были наши офицеры, могло создаться впечатление у жителей о появлении очень многих и весьма || [с. 12] подозрительных людей, молодых и кое-как одетых в штатское платье.

Эти наши поиски комнат сыграли большую роль в скором будущем, потому что, когда мы объявились офицерами Добровольческой Армии, среди жителей распространился нелепый, но нам очень нужный слух о том, что между Симеизом и Ялтой высадился отряд офицеров и занял всю эту часть южного берега Крыма.

Комнат мы не нашли, уж очень подозрительными мы казались. Эту ночь мы провели без ночлега, благо она была довольно теплая.

На утро к Дюльберу приехал полковник Федотьев, и надо было действовать.

Подойдя ко дворцу мы, полковник Федотьев и я, были встречены и приняты генералом бароном Сталем²⁰. Этот генерал уже давно состоял при Великом Князе, управлял его делами и был его самым близким и доверенным лицом. С удивлением и нескрываемой радостью он выслушал весть о нашем приезде. Члены Династии были очень обеспокоены предстоящим уходом немцев и совершенно не знали о своей дальнейшей судьбе.

Что касается охраны, то имение было большое и надо было иметь много людей, чтобы его охранять. ||

[с. 13] Но, главное,²¹ само появление добровольцев было уже чрезвычайно благоприятным.

«Великий Князь будет обрадован и вас немедленно примет», — сказал нам генерал.

Но Великий Князь, взволнованный неожиданной²² вестью, просил представить ему всех прибывших офицеров на следующий день.

За время нашего разговора с генералом Сталем во дворце у ворот имения исчез немецкий часовой. Караул немецких солдат получил приказ от своего коменданта из Ялты немедленно сняться и вернуться в Ялту. Это было и радостно и очень опасно. В сущности мы ничего из себя не представляли — ведь у нас не было никакого оружия!

Должен отдать справедливое признание и восхищение перед энергией и решительностью полковника Федотьева. В этот момент все висело на волоске. Немцы уходили, это был несомненный факт. Федотьев и я отправились немедленно в Ялту и явились к немецкому коменданту. Это был молодой уже майор, с начала оккупации служивший в Ялте и хорошо говоривший по-русски.

Федотьев сразу сказал ему, кто мы такие и зачем мы приехали в Крым. Майор как будто удивился. || [с. 14] Он сказал, что судьба членов Династии озабочивала немецкое командование. До прихода немцев большевики собрали всех членов Династии в Дюльбер, объявили арестованными и строго их караулили. С приходом немцев членам Династии было разрешено вернуться в свои имения, но ни Императрица, ни Великий Князь ни разу не приняли ни коменданта, ни какого-либо другого немецкого офицера, ни даже командующего оккупационными немецкими войсками генерала.

²⁰ Генерал-лейтенант барон Алексей Иванович Сталь фон Гольштейн (1859–1941) заведовал двором великого князя Петра Николаевича. Из Крыма выехал в Италию, где и жил вместе с супругой Еленой Алексеевной († 1948), рожденной Плещеевой.

²¹ Далее зачеркнуто это было

²² Далее зачеркнуто нов.

Возникал вопрос о вывозе их в Германию, но, ввиду вероятного их отказа, этот вопрос не был осуществлен²³.

Майор был готов оказать нам всякое содействие. Он сам глубоко переживал разложение германской армии и был рад, что вопрос о судьбах членов Династии с нашим появлением разрешается благополучно.

В распоряжении майора было много русского оружия, и он охотно нам его отдал. Так мы получили винтовки с патронами, два пулемета и три[д]цать верст телефонного провода с полевыми аппаратами.

Этот майор — благородный противник — не только вооружил нас, но даже немецкий грузовик доставил оружие к самому Дюльберу.

По распоряжению Великого Князя генерал Сталь предоставил в наше распоряжение какую-то постройку у || [с. 15] у [sic!] самого дворца, искусно спрятанную в кустах, где оказалось 2–3 большие комнаты с кроватями. Таким образом мы сразу оказались обеспеченными оружием и кровом.

Я совсем не помню, как мы питались эти дни, должно быть что-нибудь ели.

Эти дни были насыщены событиями — их последовательность почти забылась.

На следующий день немцы покинули Ялту²⁴. Там объявился русский комендант, энергично собравший группу офицеров и добровольцев. Они вооружились и взяли на себя охрану города. В Симеизе объявился Лейб-Гв[ардии] 4[-]го Стрелкового Императорской Фамилии полка полковник Колотинский²⁵, также призвавший проживающих вблизи офицеров и организовавший подобие воинской части. Таким образом с двух сторон Дюльбер был более или менее защищен.

Местное татарское население, жившее по аулам в горах, сильно пострадавшее под властью красных, было настроено анти-большевически. Но самое потрясающее, граничащее с чудом событие заключалось в том, что в Симферополе с уходом немцев образовалось какое-то крымское правительство, составленное из представи- || [с. 16] телей татар и караимов и настроенное про-добровольчески.²⁶

Красные, загнанные при оккупации глубоко в²⁷ подполье, не успели ни организовать, ни выступить, и из подполья не вылезли.

Все предсказания о немедленном захвате власти в Крыму красными при уходе немцев оказались ложными.

Члены Династии могли оставаться в Крыму.

---

²³ 28 октября 1918 г. императрица отмечала в дневнике: «...немцы после моего отказа покинуть Кр[ым] заявили, что останутся охранять нас здесь до прихода со[юзников]» (Дневники. С. 271). Однако уже 31 октября: «Позвонил немецкий оф[ицер] Бартольд и сообщил, что они получили приказ уйти из Крыма и, стало быть, оставляют нас на произвол судьбы до прихода союзников. <...> В 3-м часу дня я отправилась в Дюльбер, где ничего не знали об уходе г[ерманцев]. Немного погодя туда же прибыл Сандро, чтобы поговорить на эту тему. Николаша решительно отказался делать хоть что-нибудь, и я с ним согласна. Сандро поехал со мною домой, пил чай. <...> Он попросил меня телегр[афировать] Аликс и поставить их в известность о том, что мы на некоторое время оказываемся в таком же положении, что и в прошлом году. Я передала ему текст» (Дневники. С. 272).

²⁴ 6 ноября 1918 г. императрица отметила в дневнике: «Германцы отбыли сегодня утром» (Дневники. С. 274).

²⁵ Полковник Владимир Михайлович Колотинский (9 апреля 1872 — 13 апреля 1947, Париж).

²⁶ Крымское правительство в Симферополе в 1918–1919 г. имело два состава: Правительство генерал-лейтенанта М. А. Сулькевича (июнь–ноябрь 1918 г.) и Правительство С. С. Крыма (ноябрь 1918 — апрель 1919 г.).

²⁷ *Далее зачеркнуто подземелие.*

Особый отряд по охране лиц императорской фамилии в Крыму...

На следующий день утром полковник Федотьев собрал нас в вестибюле дворца, и к нам вышел Великий Князь Николай Николаевич. Он был в высоких сапогах и какой-то охотничьей куртке. Внешне он не изменился, таким мы его знали по массе фотографий во время войны. Великий Князь здоровался с нами, мы называли имена²⁸ полков, к которым принадлежали. Взволнованным голосом Николай Николаевич благодарил нас за приезд. Точных его слов я не помню, но запомнилась фраза, что он никогда не сомневался в том, что русские офицеры его не забудут и рано или поздно к нему приедут.

Великие княгини к нам не вышли.

К этому времени во дворце Дюльбера жили: Великий Князь Николай Николаевич с супругой Великой || [с. 17] Княгиней Анастасией Николаевной; Его брат Великий Князь Петр Николаевич (владелец Дюльбера) с супругой Великой Княгиней Милицей Николаевной и их дочь, Княжна Марина Петровна; сын Великой Княгини Анастасии Николаевны от ее первого брака, князь Сергей Георгиевич Романовский, герцог Лейхтенбергский²⁹.

В здании дворца жили также генерал барон Сталь и доктор Малама.

Вне ограды дворца в отдельном павильоне у нижнего шоссе жили княгиня Надежда Петровна с мужем, князем Орловым³⁰, и княгиня Елена Георгиевна³¹ герцогиня Лейхтенбергская с мужем, графом Тышкевичем³².

Генерал Сталь передал от имени Великого Князя Николая Николаевича пожелание, чтобы полковник Федотьев жил во дворце, где ему и была отведена комната.

В тот же день полковник Федотьев и я отправились в Харакс (имение Великого Князя Георгия Михайловича), где жила Императрица Мария Феодоровна. Принявший нас состоявший при Государыне князь Вяземский³³ сказал, что «Ее Величество очень сожалеет, что по нездоровью не может нас принять. Она сильно простужена и не по-

²⁸ *Далее зачеркнуто наших.*

²⁹ Капитан 2-го ранга князь Сергей Георгиевич Романовский — герцог Лейхтенбергский, сын герцога Георгия Максимилиановича и Анастасии Николаевны, дочери короля Черногории Николы Петровича Негоша, внук герцога Максимилиана Лейхтенбергского и великой княгини Марии Николаевны, правнук императора Николая Павловича. Капитан 2-го ранга. В имении великого князя Петра Николаевича «Дюльбер» поселился в январе 1918 г. вместе с матерью великой княгиней Анастасией Николаевной и отчимом великим князем Николаем Николаевичем младшим. С 1919 г. вступил в Вооруженные силы Юга России. После того как П. Н. Врангель встал во главе Русской армии оставался в строю до 1 июля 1920 г., когда выехал в Италию к своим родителям, следуя распоряжению главнокомандующего. Скончался 16 декабря 1974 г. в Риме, где погребен на кладбище Тестаччо.

³⁰ Княжна Надежда Петровна 10 апреля 1917 г. сочеталась браком с князем Николаем Владимировичем Орловым (12 марта 1896, Петербург — 30 мая 1961, Нью-Йорк) в храме Святой Нины имения «Харакс», а 17 марта 1918 г. в Кореизе у них родилась дочь Ирина († 16 сентября 1989 г. в Вилласерф). Надежда Петровна прожила 90 лет и умерла в Шантении, во Франции 21 апреля 1988 г.

³¹ Княжна Елена Георгиевна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская (1892, Ницца — 1971, Рим).

³² Ротмистр Лейб-гвардии конного ее величества полка, бывший адъютант великого князя Николая Николаевича граф Стефан Владиславович Тышкевич († 17 февраля 1976 г.) (Часовой. 1976. № 598. С. 15).

³³ Вице-адмирал князь Николай Александрович Вяземский (1857–1925) был командиром императорской яхты «Полярная звезда». Выехал из Крыма в Данию, где и скончался. В Хараксе при императрице Марии Феодоровне состоял также генерал-майор свиты князь Сергей Александрович Долгорукий (1875–1933). Их обоих императрица обычно именуется в своем дневнике «мои господа».

кидает своей комнаты. Но Она радуется на- || [с. 18] шему приезду и просит, чтобы в Хараксе у нее было хоть несколько офицеров»³⁴.

Дальнейший наш визит был в имение Ай-Тодор, где жил Великий Князь Александр Михайлович с супругой Великой Княгиней Ксенией Александровной и их многочисленные дети — мальчики подростки³⁵.

Здесь мы были приняты очень любезно, приглашены к столу (было время завтрака), и после на чашку кофе в кабинет Великого Князя. За столом и в кабинете разговор шел только о Добровольческой Армии и ее будущем.

Великий Князь и Княгиня просили и у них в Ай-Тодоре поселить несколько офицеров.

Такие просьбы были вполне основательными и для какой-нибудь³⁶ действительной охраны необходимыми. Но нас было всего 12–15 человек, и разделяться на три группы было бы совершенно невозможно. Харакс отстоял от Дюльбера на 5 верст, а между ними был выше нижнего шоссе дворец Ай-Тодор.

Это был очень трудный момент и для нас ясный, что выполнить нашу задачу мы не сможем.

Но и тут произошла неожиданность — явился князь Орлов, офицер Гвардейской Конной Артиллерии, и просил принять его в нашу группу, готовый нести любую службу и разделить || [с. 19] все наши трудности.

Его примеру последовали другие офицеры, жившие на дачах вблизи Дюльбера:

Кавалергард и улан Его Величества братья графы Ферзен³⁷,

Преображенского полка капитан Зборомирский³⁸,

Гвардейской Конной Артиллерии граф Бобринский³⁹,

Лейб-Гв[ардии] 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка поручик граф Капнист⁴⁰, и другие.

Из Ялты приехали гусар Его Величества Орлов и 29-го Финляндского драгунского полка ротмистр Каменский,

³⁴ Это утверждение кн. Вяземского полностью соответствовало действительности. Из дневниковых записей императрицы следует, что именно в это время она сильно простудилась и в последующие четыре месяца не покидала имения «Харакс».

³⁵ Князя Андрей (1897–1981), Федор (1898–1968), Никита (1900–1974), Дмитрий (1901–1980), Ростислав (1902–1977), Василий (1907–1989).

³⁶ *Далее зачеркнуто охраны.*

³⁷ Граф Павел Николаевич Ферзен (1894–1943) учился в Императорском Александровском лицее. Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. Выехал из Крыма в Италию. Умер в Риме и погребен на кладбище Тестаццо.

Граф Александр Николаевич Ферзен (1895–1935) учился в Императорском Александровском лицее и Пажеском корпусе. Штабс-ротмистр Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. После эвакуации из Крыма служил в Северо-Западной армии. Выехал в Великобританию, затем жил во Франции и в Италии, где и скончался.

³⁸ Полковник Глеб Николаевич Зборомирский (1883 — 27 января 1934, Ним) эвакуировался на Мальту одновременно с вел. кн. Николаем Николаевичем. Жил в Италии и во Франции.

³⁹ Граф Петр Андреевич Бобринский (15 ноября 1893 — 24 августа 1962, Нейи-сюр-Сен) — после 1920 г. жил во Франции, поэт и журналист, участник парижской группы поэтов «Перекресток».

⁴⁰ Штабс-капитан граф Петр Михайлович Капнист († 2 июля 1971, Париж).

Особый отряд по охране лиц императорской фамилии в Крыму...

Лейб-Казачьего полка граф Муравьев-Амурский⁴¹ и другие.

Всех их полковник Федотьев охотно принял и только говорил мне: «Придется отчитываться перед Штабом, но иначе я поступить не могу».

Теперь мы могли разделиться. В Харакс направился поручик Булыгин за старшего с командой в 5 офицеров⁴². В Ай-Тодор старшим был назначен штабс-капитан Белявский также с пятью офицерами.

Как в Хараксе князь Вяземский, так же в Ай-Тодоре состоявший при Великом Князе капитан первого ранга Кубе предоставили офицерам помещение и договорились о питании. ||

[с. 20] Доктор Малама предоставил нам свою дачу-санаторию, куда притащили кровати из ближайшего закрывшегося лазарета, кое-какую мебель. А помещение у дворца Дюльбера использовали для караула, выставлявшего посты около имения⁴³.

Чувствую, что я пишу очень сумбурно, дни мелькали, и каждый был полон чем-то нужным и неожиданным.

Удивительным было то, что, несмотря на страшные преследования и расстрелы офицеров, которые большевики производили во время своей власти, на южном берегу Крыма их оказалось довольно много.

Удивительным также было, что, несмотря на долгий период красной⁴⁴ власти и немецкой оккупации, население южного берега сохранило волю к жизни и деятельности. Сразу же открылись базары, магазины, появились спрятанные товары, вино, фрукты. Татары охотно продавали всяческие продукты.

Обо всем, случившемся с нами, полковник Федотьев написал подробный доклад в Штаб, прося прислать пополнение, военную одежду, всякое продовольствие, керосин, бензин и т. д.

Доклада его я не читал, но он уверил меня, что в Штабе будут довольны.

Надо сказать, что до этих событий, члены Династии || [с. 21] жили в большой нужде. Электрические станции при имениях не работали из-за отсутствия топлива. Обходились одной керосиновой лампой, которую переносили из комнаты в комнату, и вокруг которой собирались все, жившие во дворце.

Еда была самая простая и минимальная, так как на всем нагонялась экономия, ввиду того, что продукты было очень трудно доставать.

---

⁴¹ Граф Михаил Валерианович Муравьев-Амурский († 13 мая 1930, Флоренция).

⁴² По-видимому, событие это имело место в субботу 3 ноября 1918 г., когда императрица записала в дневнике: «К нам в качестве караульных приставили пятерых офицеров, довольно забавно, что Вяземский и Долг [оружов] восприняли это как трагедию!» (Дневники. С. 273). День спустя, в понедельник 5 ноября Мария Феодоровна отмечала: «Я приняла командира небольшого отряда нашей охраны Федотьева» (Дневники. С. 274), а 6 ноября с явным удовольствием писала: «Как обычно погуляла с Ксенией [...] Затем все вместе съездили в Дюльбер поздравить Николашу с днем рождения. Обрато поехали втроем — с Ольгой и ее мужем, который тоже вступает в охрану, и, стало быть, речи об ее отъезде, слава Богу, теперь больше нет» (Дневники. С. 274).

⁴³ Императрица упоминает о размещении офицеров охраны в домах многих лиц: «Навестила Катю Кл[ейн-михель], где встретила офицера Терешникова из новой охраны. Она, так же как и Маша Г[ончарова], очень рада, что они живут у нее» (Дневники. Запись от 25 октября 1918 г. С. 270).

⁴⁴ *Далее зачеркнуто* армии.

[Князь Вяземский жаловался, что Императрица не отдает себе отчета и просто не понимает, как это нет достаточно хлеба, и удивленно спрашивала, куда же он девался⁴⁵.]

В гараже Великого Князя стояли 5 автомобилей и один полугрузовик, но не было бензина. Была и пара лошадей и экипажи. Но и они стояли без употребления, и только повар Великого Князя — Корнилов время от времени ездил на таратайке в Ялту покупать продукты.

Доклад полковника Федотьева в Екатериноград [sic!] повез мой брат. Из Ялты в Новороссийск ходил пассажирский пароход «Святой Николай».

Наша жизнь на даче Малама понемногу наладилась. Так как сам Федотьев жил во дворце, он просил меня быть за старшего, и все офицеры охотно подчинялись правилам || [с. 22] общежития.

Великий Князь пригласил чинов караула обедать (в две очереди) в столовой дворца, куда они и ходили. Так продолжалось до конца нашего пребывания в Крыму. Нам подавали ту же еду, которая готовилась для хозяев дворца, очень скромную, не обильную, но отлично приготовленную хорошим поваром.

Вскоре вернулся мой брат. Доклад полковника Федотьева был полностью одобрен. Наша группа была наименована «Отрядом особого назначения для охраны Лиц Императорской Фамилии в Крыму». Все принятые Федотьевым офицеры были зачислены в ряды Добровольческой Армии, и всем был назначен одинаковый оклад жалования. Мой брат привез с Кубани много мешков с мукой, разными крупами, бочонки с маслом, керосином и бензином, и т.д., а главное куски материи разных цветов для кубанских черкесок. Из них мы могли сшить себе рубахи и штаны и более или менее одеться в военную форму.

Я ходил Бог знает, как одет. Мои военные вещи, оставшиеся в Екатеринодаре, брат не нашел. В Кореизе оказался какой-то портной, который и начал шить нам обмундирование. ||

[с. 23] Вслед за братом из Екатеринодара приехало и пополнение для отряда. Это было человек 25 офицеров (может быть и больше) во главе с Лейб-Гв[ардии] Преображенского полка полковником⁴⁶ Квашниным-Самариным. Из числа прибывших я помню:

Лейб-Гв[ардии] Егерского полка полковника Татенова,

---

⁴⁵ Вопрос о доставке в имения хлеба так и остался нерешенным, и, судя по обилию визитеров, доставлявших императрице свежеспеченный хлеб, об этом было известно. Вероятно, поэтому императрица всякий раз отмечала в своем дневнике получение свежего хлеба как особо приятное событие. Обычно хлеб приносили офицеры британского флота. Так, 17 января императрица записала: «Долгорукий и Вяземский завтракали со мною. Я угостила их паштетом, очень свежим, и замечательным портвейном. Потом мне нанесли визит английские офицеры — Бедфорд и еще один, которого я видела впервые. Он передал мне два прекрасных французских батона, за что я ему премного благодарна» (Дневники. С. 292). Уже 23 января вновь «доложили о визите двух английских офицеров — Бедфорда и еще одного, ранее мне не знакомого ирландца по фамилии Туби. <...> Они любезно преподнесли мне два прекрасных батона хлеба, а также доставили газеты и — что меня больше всего осчастливило — письмо от моей любимой Аликс от 6 ян[варя] — какая неописуемая радость!» (Дневники. С. 294). Следующие «два чудесных французских батона» доставит 17 февраля британский капитан Ройдз (Дневники. С. 301), а вслед за ним 25 февраля «в 7 ½ часа ко мне пришли англ[ийские] офицеры — ком[андор] Бейли Гамильтон со “Скермиша” и его судовой врач, передали мне прекрасный французский батон» (Дневники. С. 305).

⁴⁶ Далее зачеркнуто Квашинским.

Особый отряд по охране лиц императорской фамилии в Крыму...

- " " Преображенского Полка поручика Моллера⁴⁷,
- " " Измайловского полка капитанов Игнациуса и Неелова,
- " " Московского полка капитана Петриченко,
- " " Гренадерского полка поручиков Купчинского и Высоцкого,
- " " Литовского полка поручиков Михальского и Шиманского⁴⁸,
- " " Волынского полка Штабс-капитана Колюбакина и поручика Истомина⁴⁹,
- " " 2-го Стрелкового Царскосельского полка штабс-капитана Степанковского и других, имена которых не могу⁵⁰ вспомнить.

К этому времени в отряд вошли и бывшие в Крыму Лейб-Гв[ардии] 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка полковник⁵¹ Зиновьев⁵², Штабс-капитан князь Галицын [sic!] и его брат подпоручик.

Мы могли пополнить наши группы в Хараксе и Ай-То- || [с. 24] доре и в Дюльбере приступить к более правильной караульной службе.

На границе Дюльбера и соседнего имения Барбо была небольшая горка с деревянным домиком в несколько комнат, достаточно комфортабельными [sic!]. Там поселились прибывшие с Кубани уланы Его Величества ротмистры Алексеев⁵³ (сын генерал-адъютанта), Новиков и Фермор⁵⁴. Они составили отдельный пост. В этом же домике жил капитан I ранга Черноморского флота Свечин⁵⁵ и бывший при нем старший лейтенант Квашнин-Самарин⁵⁶, брат прибывшего с Кубани Преображенского полковника.

⁴⁷ Возможно, капитан Алексей Николаевич Моллер († 31 октября 1944 во Франции).

⁴⁸ Владимир Вячеславович Шиманский (1894 — 13 марта 1963, Париж). Полковник Лейб-гвардии Литовского полка (Часовой. 1963. № 444. С. 22).

⁴⁹ Константин Евстафьевич Истомин († 20 февраля 1975, Париж) — капитан Лейб-гвардии Волынского полка. 1 февраля 1917 г. выпущен из Императорского Пажеского корпуса. Во Вторую мировую войну участвовал в антибольшевистской борьбе.

⁵⁰ Далее зачеркнуто еще.

⁵¹ Далее зачеркнуто Зиновьев.

⁵² Полковник Дмитрий Александрович Зиновьев († 14 января 1963, Дэрхем, Великобритания). Председатель Российского Красного Креста в Великобритании.

⁵³ Николай Михайлович Алексеев (20 декабря 1891 — 13 апреля 1960 г., Буэнос-Айрес) — полковник Лейб-гвардии Уланского полка. «В чине штаб-ротмистра 14 ноября 1917 г. прибыл со своей частью в Новочеркасск и вступил в Добровольческую армию. В 1-й Кубанский поход вышел как ординарец генерала Алексева и участвовал в боях в составе отряда полковника Гершельмана. Прошел 2-й Кубанский поход. Находился в командировке по охране Лиц Императорской Фамилии в Крыму и сопровождал за границу Великого Князя Николая Николаевича. В составе Лейб-Гвардии Кавалерийского полка участвовал в боях до конца Гражданской войны. 8 сентября 1920 г. произведен в полковники» (Часовой. 1960. № 410 (июнь). С. 19).

⁵⁴ Возможно, Александр Николаевич Фермор (20 сентября 1886, Санкт-Петербург — 17 июля 1931, Париж). Полковник Лейб-гвардии. Служил в Уланском и Егерском полках. В эмиграции некоторое время жил в Абиссинии, был начальником Конвоя императора Хайле Селассие I (Б. И. † Полковник А. Н. Фермор // Часовой. 1931. № 63. С. 25–26).

⁵⁵ Алексей Алексеевич Свечин (1877 — 21 июля 1933, около Парижа) — капитан 1-го ранга Черноморского флота. Был старшим офицером эскадренных миноносцев «Страшный» и «Забайкалец», крейсера «Аскольд». Командир миноносца «Властный» и яхты «Колхида».

⁵⁶ Владимир Николаевич Квашнин-Самарин († 24 ноября 1966) — старший лейтенант Черноморского флота, в 1907 г. окончил Морской корпус, служил в оперативном отделении штаба флота (Часовой. 1966. № 486 (декабрь). С. 23).

Россия переживала неопишное, сумасшедшее время. С уходом немцев с Украины пала власть гетмана Скоропадского, в Киеве воцарился Петлюра, а по всей стране бушевали и бесчинствовали всевозможные банды. С севера бежали все, кто мог, в большинстве аристократия и богатые люди. Все гостиницы Ялты были переполнены беженцами. Но в то время у людей были еще деньги, и жизнь в Ялте была ключом.

[Во главе прибывшего пополнения был полковник Квашнин-Самарин, и по производству и по службе старший полковника Федотьева. Он не сомневался, что Федотьев сдаст ему командование над отрядом. ||

[с. 25] Так было принято в военной среде. Мне пришлось быть посредником между ними. Отдавая все должное полковнику Квашнину, я тем не менее решительно стал на сторону Федотьева. Это был простоватый,⁵⁷ человек, но энергичный и решительный. Получив приказание генерала Деникина возглавить нашу группу, он без рассуждений сделал все, что было в его силах для осуществления нашей поез[д]ки и благополучного ее завершения.

Не мог забыть я и слова Кутепова: «Моих преображенцев не дам». Теперь же, когда обстановка сложилась благоприятно для нас, к нам приехал преображенский полковник.

Полковник Федотьев также решительно отбил все претензии Квашнина и остался во главе отряда.]

На даче Малама мы жили дружно. Стараниями Федотьева мы получили из складов Дюльбера старую, но вполне пригодную мягкую мебель, и в одной из комнат устроили нечто вроде гостиной. Свободные от службы офицеры собирались там по вечерам, пели песни хором, с удовольствием слушали отличное пение капитана Зборомирского, корнета Смирнова и часто приходившего к нам князя Сергея Георгиевича, герцога Лейхтенбергского, обладавшего недурным голосом. Ротмистр Каменский, аккомпанируя себе на гитаре, пел цыганские⁵⁸ романсы, а поручик Порчинский || [с. 26] рассказывал анекдоты.

Я, житель севера, любовался Крымом. Бывали еще совсем теплые, солнечные дни, цвели последние розы, и большие площадки в Дюльбере были покрыты пармскими фиалками. Я выходил в парк и на берег моря.

Только однажды я увидел одну из великих княгинь, сидящую на скамейке. В черном пальто и теплом платке на голове она одиноко смотрела в дальнее море. Стараясь быть незамеченным, я удалился.

Ни Великие Князья, ни Императрица никогда не покидали дворцов⁵⁹. Никто никогда не видал их гуляющими в своих роскошных парках. Только молодые князья из Ай-Тодора иногда приходили в Дюльбер или показывались вблизи своего дворца.

⁵⁷ Далее зачеркнуто даже грубоватый.

⁵⁸ Далее зачеркнуто песни.

⁵⁹ Дневниковые записи императрицы и других лиц свидетельствуют об обратном — в пределах занимаемых ими имений лица императорской фамилии передвигались регулярно и совершенно свободно. Выезды из Харакса к Ай-Тодорскому маяку и обратные пешие прогулки в сопровождении дочерей или лиц свиты Мария Феодоровна совершала постоянно, по несколько раз в неделю, как до своей болезни, затянувшейся с 7 ноября 1918 г. до 15 марта 1919 г., так и после выздоровления. Иногда, как видно из дневниковой записи императрицы от 24 октября 1918 г., эти прогулки отличались завидной продолжительностью: «С утра было пасмурно и всего лишь 12 гр[адусов]. Сестры пришли рано, после чего мы отправились к маяку, спустились вниз другой дорогой, навестили Вяземских, которым не полегчало. <...> К завтраку была Апрак[сина].

Особый отряд по охране лиц императорской фамилии в Крыму...

[В сущности говоря нами никто не интересовался. Никакого контакта с лицами, которых мы охраняли, у нас не было. Ни разу во время наших обедов во дворце к нам никто не вышел. Как исключение было приглашение гусара Его Величества Орлова и литовца поручика Михальского на обед по случаю их полковых праздников. Великий Князь сам был гусаром и командовал этим полком, был и шефом Лейб-Гв[ардии] Литовского полка.]

Все свои пожелания Императрица и Великий || [с. 27] Князь передавали нам через⁶⁰ князя Вяземского и барона Сталя. Единственным исключением был князь Сергей Георгиевич, Герцог Лейхтенбергский. Этот добрейший и милейший человек всячески старался сблизиться с нами. Он постоянно во всякое время приходил к нам на дачу Малама и приглашал к себе. Часто вечером мы, званые и не званые, долго сидели у него в уютной комнате дворца. Иногда он угощал нас стаканом вина, но чаще и без всякого угощения мы засиживались у него, слушая интересные рассказы из его жизни. Скоро князь перешел с нами на «ты», но мы продолжали титуловать его «Ваше Высочество». Это ему не нравилось и он просил называть его просто Сергей Георгиевич. [Два-три раза он приглашал меня поехать с ним в Ялту поужинать где-нибудь в ресторане. Иногда в разговорах с ним я чувствовал, что он передает пожелания Великого Князя. Такая близость к члену Династии компенсировала нам вполне отчужденность других, и я сохраняю память о князе, как о светлой личности в моей жизни. Мне приятно, что и он помнит меня и передает мне приветы, бывая у моего брата⁶¹ в Ницце.]

Императрица часто болела. Ее посещали дочери, Великие Княгини Ксения и Ольга Александровны. В Дюльбере никто из || [с. 28] родственников не бывал.

За время нашего пребывания в Крыму я помню приезд к Великому Князю протопресвитера Шавельского и харбинского епископа Никона⁶².

Потом я проводила ее домой и с корейского пляжа пешком отправилась к дюльберцам навестить их впервые за долгое время. Сперва показалось, что в доме никто не живет, все двери стояли нараспашку, но в конце концов я их все-таки обнаружила наверху у Милицы, где они пили чай» (Дневники. С. 270).

⁶⁰ Далее зачеркнуто Великого.

⁶¹ То есть у Владимира Александровича Апухтина.

⁶² Речь идет, несомненно, о епископе Несторе (Анисимове). Императрица Мария Феодоровна записала в субботу 1 марта 1919 г.: «В 10 ½ часа утра меня посетил Нестор епис[коп] с Камчатки, с которым я была рада встретиться вновь. Выслушала его рассказ о том, что выпало на его долю в Москве. Он подарил мне небольшой образок, оригинал которого был найден в деревенской церквушке. Изображение на нем являлось во сне одной женщине три ночи подряд. И затем она отправилась в церковь, где действительно, правда, с большим трудом отыскала древнюю икону. На почерневшем образе ничего невозможно было разобрать, но когда она отмыла его, ее глазам открылось то, что привиделось ей во сне. К иконе подвели слепого — и он прозрел. Случилось подлинное чудо, и это единственное, что в наше безбожное время может вновь вдохнуть веру в Господа в души отвратившихся от Него людей» (Дневники. С. 307). На следующий день императрица отмечала, что ее рассказ о приезде еп. Нестора «необычайно заинтересовал» ее внуков Федора и Никиту — сыновей вел. кн. Ксении Александровны и вел. кн. Александра Михайловича (Там же). 22 марта еп. Нестор появился вновь: «Потом был Нестор с бывшим офицером Литовского полка, который спас его, вытащив из тюрьмы в Москве. Он [офицер] отвесил мне земной поклон и был так робок, что не проронил ни слова» (Дневники. С. 313).

В понедельник 12 ноября 1918 г. по поводу посещения о. Шавельского императрица записала: «...в 3 часа пополудни я приняла св[ященника] Шавельского с коротко стриженной головой, с бородою, переодетого в крестьянскую одежду. Он пробыл у меня целый час» (Дневники. С. 276). Отец Георгий Иванович Шавельский (6 января 1871 — 2 октября 1951, София), последний протопресвитер русских Императорских армии и флота, 22 апреля 1911 г. заменивший в этой должности скончавшегося о. Евгения Петровича Аквилонова, оставил подробнейшие воспоминания о годах своего возглавления русского военного духовенства и о последующей

жизни в эмиграции. Упомянул он и о первой встрече с императрицей Марией Феодоровной (*Шавельский Г., протопресв.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Н.-Й., 1954. Т. I. С. 23). О своем посещении императрицы в имении Харакс 12 ноября 1918 г. и о впечатлениях от недельного пребывания в имении Дюльбер в качестве гостя великого князя Николая Николаевича о. Шавельский рассказал достаточно подробно. Его свидетельство и воспоминания С. А. Апухтина на удивление схожи. Шавельский писал: «30 сентября 1918 г., спасаясь от террора, я после трехнедельного, полного всевозможных приключений и опасностей, путешествия, пешком, на лошадях, на пароходе и по железной дороге, в одежде оборванца, с паспортом давно умершего крестьянина Скобленка, прибыл из Витебска в гетманский Киев. В конце октября К. И. Ярошинский, А. И. Пильц и ген. В. П. Никольский убедили меня отправиться в Дюльбер (в Крыму) к великому князю Николаю Николаевичу, чтобы ознакомить его с политическими настроениями общественных и правящих кругов, настоящих и бывших. В Румынии на днях должны были начаться переговоры между союзниками и представителями наших политических партий. Там было сильное течение в пользу объединения Добровольческой Армии, Дона и Украины под главенством великого князя Николая Николаевича.

Только я собрался в путь, как в Киев прибыл б. член Государственного Совета, Ф. А. Иванов, с приглашением великого князя, узнавшего, что я в Киеве, чтобы я немедленно с Ивановым прибыл к нему в Дюльбер. 2 ноября, в штатском костюме, с паспортом «Киевского дворянина Г. И. Шавельского», я и отправился с г. Ивановым в путь через Одессу и Ялту.

В Дюльбер я прибыл 6 ноября, в день рождения великого князя. Только что кончился завтрак с множеством гостей, главным образом, офицеров, накануне, по приказанию ген. Деникина, прибывших в Дюльбер для охраны великого князя. Когда доложили великому князю о моем приезде, он стремглав выбежал ко мне и со слезами обнял меня. То же сделал и великий князь Петр Николаевич. Встреча наша была трогательнейшей. Тотчас великий князь увел меня в отдельную комнату, где в интимной беседе мы провели около получаса. Наша беседа была прервана приездом Императрицы Марии Федоровны, прибывшей поздравить великого князя.

Вместо четырех дней, как предполагалось, великий князь задержал меня у себя шесть дней. Во все эти дни настроение в великокняжеской семье было повышенное. Все, в особенности братья-князья и их жены, с нетерпением ждали разрешения в Румынии вопроса, ждали, что вот-вот А. В. Кривошеин, возглавлявший русские партии на совещании в Румынии, привезет благоприятное для великого князя решение. При всем умении скрывать свои мысли великие князья и княгини не могли скрыть, что им очень хочется увидеть великого князя возглавляющим освободительное движение. Еще более это было заметно на младших особах этой семьи. Наиболее спокоен был князь Роман Петрович. Но герцог Сергей Георгиевич Лейхтенбергский (пасынок великого князя Николая Николаевича) и отчасти граф Тышкевич (женатый на дочери великой княгини Анастасии Николаевны) не умели скрыть своего настроения. Сергей Георгиевич уже вел интригу против Романа Петровича, как естественного наследника при успехе противобольшевистской борьбы и возможном затем приглашении Россией на Всероссийский престол великого князя Николая Николаевича, как возглавителя этой борьбы. Еще более он вел интригу против своей тетки, великой княгини Милицы Николаевны, которая мечтала о короне на голове своего сына Романа.

Духовная атмосфера Дюльбера поразила меня. Сам великий князь Николай Николаевич выглядел бодрым. После долгого сиденья под властью большевиков 6-го ноября он в первый раз надел военную форму. Политически он возмужал. Пережитые ужасы не вызвали в нем никакого озлобления и не подорвали любви к народу. Он стал либеральнее. Но был и минус.

Великий князь всегда был склонен к мистицизму. Под влиянием же последних переживаний его мистическое настроение еще более усилилось. Чем для мистически настроенной царицы был Распутин, тем теперь стал для великого князя живший со своей семьей на полном содержании у последнего капитан I ранга А. А. Свечин, женатый на дочери адмирала Чухнина [вице-адмирал Григорий Павлович Чухнин (1848 — убит террористом 28 июня 1906 г.) — с апреля 1904 г. командующий Черноморским флотом, 3 марта 1906 г. утвердил смертный приговор руководителям восстания на крейсере «Очаков». — А. К.]. Мистик, а может быть, и ханжа — он, после пережитых при большевиках в Севастополе ужасов, впал в крайнее суеверие и кликушество. Во всем он искал знамений и чудес и эти знаменья старался навязывать каждому встречному. В данное время он находился под обаянием какой-то расслабленной, лежавшей в Ялте, матушки Евгении, все время пророчествовавшей, и одного иеромонаха Георгиевского монастыря, удивлявшего одних своими пророчествами, других своими чудачествами.

Со Свечиным познакомил великого князя герцог Лейхтенбергский, сослуживец Свечина. Мистически настроенный великий князь сразу подпал под влияние Свечина. Последний сумел зачаровать великого князя пророчествами матушки Евгении, вещавшей о близко ожидающей великого князя роли спасителя России и в экстазе чуть ли не видевшей его уже с венцом на голове.

Особый отряд по охране лиц императорской фамилии в Крыму...

Как только я прибыл в Дюльбер, мой старый приятель по Ставке в Барановичах, доктор Б. З. Малама, ознакомил меня с настроением в великокняжеской семье и с ролью Свечина. В первый же вечер великий князь и Свечин сами выдали себя. Вечером, после обеда и кофе, великий князь пригласил меня в кабинет. Сначала мы говорили об общих делах, вспоминали прошлое. Но скоро пришел Свечин, и беседа наша сразу приняла особый характер. Великий князь с экзальтацией начал мне рассказывать, как Господь через дивную матушку Евгению открывает о нем Свою волю, коей он не может противиться, но должен подчиниться, раз она узнается из такого высокого источника, как обладающая даром прозрения матушка. Свечин вставлял свои замечания, дополнявшие рассказ великого князя. Я слушал этот бред, стиснув зубы, но по временам не выдерживал и охлаждал увлекавшихся, советуя не искушать Господа, не требовать знамений и чудес, не верить слепо каждому пророчеству, ибо оно может быть от человека, а не от Бога, и ждать одного знамения — волеизъявления тех, кто ныне берется спасать Россию, и, если они позовут, идти, надеясь, что это глас Божий. Мои замечания не понравились моим собеседникам. Великий князь понял, что его излияния не встречают во мне сочувствия, быстро переменял разговор и скоро предложил идти спать, так как я устал с дороги. А Свечин на другой день обмолвился, что я более похож на протестантского пастора, чем на православного священника.

Ошеломленным ушел я от великого князя. Выслушанные откровения произвели на меня потрясающее впечатление. Новой распутищиной повеяло от них. Разве не на почве крайнего мистицизма разрослась ужасная распутинская история? А чем она кончилась? И теперь с такого же мистицизма хотят начать стройку новой России и у матушек Евгений, подозрительного качества иеромонахов и сумасшедших Свечинных ищут указаний и наставлений. Как в бреду, я метался в постели и только к утру смог уснуть. Ни великий князь, ни Свечин больше не заводили разговора на прежнюю тему, очевидно, признав это бесполезным. Но я сам решил поговорить с великим князем по поводу выслушанного мною.

Погостив 4 дня, я хотел отправиться в обратный путь, но великий князь задержал меня. Причина была ясна для меня. Великий князь с нетерпением ждал приезда А. В. Кривошеина, участника Яского совещания, надеясь, что тот привезет ему приглашение стать во главе войск Добровольческой Армии, Украины и Дона. Конечно, тотчас следовало бы согласие, и великий князь пригласил бы меня остаться при нем. В приезд А. В. Кривошеина все так верили, что во дворце шли уже разговоры: кому из князей ехать с великим князем, некоторые опасались, как бы и великие княгини не поехали с ним и т. п. Но Кривошеин не ехал. На шестые сутки я решил ехать, но не иначе, как предварительно переговорив по душе с великим князем.

12 ноября, после обеда, я попросил великого князя уделить мне несколько минут. Он тотчас пригласил меня в кабинет. Кроме нас двоих, там никого не было. Я сказал ему приблизительно следующее:

— Если бы вы не знали меня, не знали, что я не стану говорить неправду, и если бы я не любил вас и не дорожил вами, я не сказал бы вам того, что сейчас скажу, ибо знаю, что оно не будет приятно для вас. Но вы должны знать мое мнение. В вашем доме творится что-то неладное. Вы знаете мой взгляд на религию: мы должны верить в Бога и надеяться на Него, но мы не должны искушать Его. Крайний мистицизм — болезненное чувство, а не религия, и, когда люди, очертя голову, погружаются в него, нельзя ждать добра. Вы помните первый вечер — ваш и Свечина разговор о знамениях, пророчествах, чудесах и пр.? На меня он произвел потрясающее впечатление. Вы должны помнить, что с мистицизма началась распутинская история, что через ваш дом вошел в царскую семью Распутин! Вы знаете, к чему привела распутинщина! Наше общество еще не успело забыть распутищины и вдруг оно услышит, что в вашем доме, при вашем участии начинается нечто подобное. В вас очень многие верят, многие на вас надеются, но тогда они отшатнутся от вас и т. д.

Поблагодарив за откровенность, великий князь начал уверять меня, что дело обстоит совсем не так страшно, что я вынес неверное впечатление. Я все же просил его отстранить от себя Свечина, человека доброго, но болезненно настроенного и своею близостью и ночными посещениями смущающего многих, как из окружающих великого князя, так и прибывших для охраны офицеров. Великий князь обещал мне.

Когда, распрощавшись с великим князем и его присными, я ушел в свою комнату, ко мне зашел доктор Малама и вручил от великого князя пакет с шестью пятисотрублевками, заявив при этом, что я жестоко обижу великого князя, если не возьму их. Всё же я отправился к великому князю и стал просить его взять деньги обратно.

— Голубчик, — ласково сказал великий князь, — вы же нуждаетесь, а для меня это — капля в море, — в Банке у меня 200 тысяч рублей. Я вас очень прошу взять,

— Когда-нибудь сочтемся. Вы не это для меня делали.

Я вынужден был взять. Они и теперь хранятся у меня, ни одной копейки из них я не израсходовал.

За время пребывания у великого князя я успел побывать: у Императрицы Марии Феодоровны, у великого князя Александра Михайловича и у великой княгини Ольги Александровны.

Эти лица духовенства оставались во дворце 2–3 дня и служили там литургию⁶³.

Естественен был наш интерес к вопросу, чем интересуется Великий Князь.

Я уже упомянул, что на горке в маленьком доме жил капитан I ранга Свечин. Этот морской офицер необычайно пострадал во время революции. Он прошел через жесточайшие испытания, издевательства и физические муки со стороны озверевших озверевших [sic!] черноморских матросов. Истинное чудо, что этот человек остался жив. Превратившись в скелет с изможденным лицом, казалось видимый насквозь: Свечин приобрел огромное влияние на Великого Князя. Как он к Нему попал, я не знаю. Княгини, издавна известные своим мистическим настроением, сильно влияли в этом отношении на своих мужей.

Свечин, этот комок нервов, явился⁶⁴ медиумом, вызывавшим различных духов и предсказателем дальнейших судеб и России и членов Династии. Являвшиеся духи || [с. 29] давали советы, как надо поступать. Но помимо потусторонних советчиков, Великий Князь охотно прислушивался ко всякого рода фантастических предсказаний [sic!], передававшихся во дворец при посредстве Свечина. Так невразумительные выкрики и причитания юродивой-нищенки на паперти Ялтинской церкви⁶⁵, понимаемые слушателями как слова: «Николай спасет Россию», находили живой отклик во дворце Дюльбера.

В это время у нас на даче Малама появилось новое лицо — некий полковник Тулузаков (кажется офицер Татарского полка Дикой дивизии). Насколько помню, пригласил его к нам граф Капнист после знакомства в Ялте. Тулузаков был в своем роде необыкновенный человек. Из его рассказов я узнал, что, возвращаясь из японского плена, он задержался в Индии, изучал учение йогов, долго был в буддийском монастыре, где сидел замурованный в стене,⁶⁶ научался всем восточным премудростям и был в состоянии выделять астральное тело.

Тулузаков приобрел большое влияние на многих офицеров. Лично я избегал присутствовать на его опытах, но знаю, что он многих легко усыплял и устраивал спиритические сеансы и т. д.

Кончилось тем, что офицеры стали нервничать и храбрые боевые люди боялись ночью на постах и в патрулях и || [с. 30] им мерещилась всякая всячина.

Императрица прислала за мною пару своих лошадей. Я просидел у нее (в Хараксе) около часу. Была очень ласкова, внимательна; о Государе говорила: «бедный мой сын», но верила, что он жив; несколько раз с насмешкой отозвалась об увлечениях царицы Александры Федоровны разными юродивыми и, между прочим, Дивеевской Пашей, произведшей на нее впечатление грязной, злой, сумасшедшей бабы. [Согласно записи императрицы Марии Феодоровны, она приняла о. Г. Шавельского в понедельник 12 ноября 1918 г.: «В 3 часа пополудни я приняла св[ященника] Шавельского с коротко стриженной головой, с бороною, переодетого в крестьянскую одежду. Он пробыл у меня целый час» (Дневники. С. 276)].

Великий князь Александр Михайлович, живя в Ай-Тодоре, весь отдался виноделию и, как рассказывали, в один год выручил около двух миллионов рублей.

Великая княгиня Ольга Александровна со своим мужем полк. Куликовским жила в маленьком домике в Хараксе чрезвычайно просто, всецело посвятив себя семье: сама нянчила сына, сама и стряпала. Опростилась до *plus ultra*. Меня приняла запросто; угощала кофеем с печеньями собственного ее изделия. И раньше мало было в ней царственного, а теперь и помину от него не осталось. 13-го ноября я выехал из Дюльбера» (*Шавельский Г., протопресв.* Воспоминания... Т. II. С. 315–321).

⁶³ Далее зачеркнуто Естественен был наш интерес к тому вопросу, что же наполняет время Великого Князя.

⁶⁴ Далее зачеркнуто и.

⁶⁵ То есть собора св. Александра Невского.

⁶⁶ Далее зачеркнуто и.

Особый отряд по охране лиц императорской фамилии в Крыму...

Как я узнал, Тулузакова приглашали в Ялтинскую больницу, где он держал за руку оперируемого, и тот не ощущал боли. Этим он делал доброе дело, так как наркотиков в больнице не было, усыплять было нечем, а операции были необходимы.

Но у нас среди чинов отряда его присутствие оказалось вредным, и полковник Федотьев передал Тулузакову пожелание Великого Князя, чтобы он больше к нам не приезжал.

Несомненно обладая силой гипноза, этот полковник через знакомство с нами стремился проникнуть к Великому Князю и заменить Свечина, но игра его не удалась.

С отъездом Тулузакова настроение офицеров успокоилось, и все вошло в норму.

В конце ноября у берега Харакса высадились два англичанина — офицер и русский переводчик — со шлюпки, спущенной с английского миноносца. Этот миноносец подошел к берегу ночью. Англичане совершенно не знали обстановки в Крыму, были уверены, что Императрице угрожает опасность, и по желанию английской королевы, сестры Императрицы, хотели⁶⁷ эвакуировать Марию Федоровну.

Проблуждав по нижнему шоссе, эти первые посланцы союзников были доставлены к князю Вяземскому. Они передали || [с. 31] письмо от английской королевы Александры. Императрица их приняла, долго с ними разговаривала, пригласила с Нею пообедать, но уехать из Крыма категорически отказалась. «Пока около меня русские офицеры, я не покину Россию», — заявила она⁶⁸.

В тот же день вечером к берегу подошла шлюпка и посланцы вернулись на свой корабль.

Позже я узнал, что этот корабль при возвращении в Константинополь попал в сильнейший осенний шторм, сильно пострадал и едва нашел дорогу в Босфор. Сама судьба спасла Императрицу от лишнего испытания.

Вскоре после этого события князь Вяземский сказал Булыгину, что Императрица совершенно не допускает и не верит в возможность гибели⁶⁹ Царской семьи. Все сведения об этом преступлении Она считает ложными, и Ей хотелось бы послать в Екате-

⁶⁷ Далее зачеркнуто увезти.

⁶⁸ Согласно дневниковой записи императрицы, событие это имело место в среду 7 ноября 1918 г.: «В 11 часов, когда Ксения еще находилась у меня, прибежал Вяз[емский] и сообщил о приходе ан[глийского] морского офицера с письмом для меня. Им оказался ад[мирал] с корвета. Он от имени Джорджи предложил мне уехать отсюда на ан[глийском] корабле, который будет предоставлен в мое распоряжение. Я тут же приняла этого оф[ицера], и он рассказал, что сегодня ночью высадился на берег в Ореанде. Он тайно добрался до Алупки и в конце концов нашел нужный дом, в чем ему помог русский оф[ицер] Коровсопов. Я сказала, что чрезвычайно тронута и благодарна, но попросила его отнестись с пониманием к моим словам. Я объяснила ему, что никакой опасности для меня здесь больше нет и что я никогда не смогу позволить себе бежать таким вот образом. Как мне показалось он понял меня. Я пригласила его к завтраку, за которым также были Ксения, Ольга и Сандро. Какая радость, какие приятные чувства охватили меня, ведь мы наконец-то встретились с союзниками! По его словам, два их корабля в ожидании приказа в настоящее время находятся на якорю далеко в море. Я заметила, что гораздо полезнее было бы им открыто встать на рейде с поднятым флагом Ялты, поскольку это произведет наилучшее впечатление на всех находящихся здесь, где столь долго ждали прибытия союзников, и тем самым успокоить их. То же самое сказал ему и Сандро, и, я надеюсь, так все и произойдет. Все присутствующие за завт[раком] были радостны и возбуждены. Они оставались у меня до 3 часов дня. Я быстро написала письмо любимой Аликс, которая, как я чувствую, была зачинщицей и уговорила Джорджи сделать это. Я написала еще текст благодарственной телеграммы ей и Д[жорджи] который он взял с собой. <...> 9 ноя[бря]. Пятница. <...> английский эсминец всю первую половину дня улаждал мой взор, курсируя взад и вперед вдоль берега. Как хорошо, что можно наблюдать за маневрами английского корабля, — одно это заставит всех уважать их. Другой корабль вчера вечером отбыл в Константинополь» (Дневник. С. 274–275).

⁶⁹ Далее зачеркнуто русский.

ринбург двух офицеров, которые бы на месте могли убедиться в гибели Императора и, вернувшись, убедить Ее в правильности слухов.

Императрица мучилась в сомнениях, и только такая поездка могла бы Ее убедить. Зная, что офицеры поехали, она терпеливо ждала бы их возвращение.

Булыгин сейчас же вызвался ехать, не рассуждая о трудностях || [с. 32] пути. Он предложил мне ехать с ним. Но полковник Федотьев передал мне желание Великого Князя, чтобы я оставался в Дюльберге. Я сам понимал, что пока еще нужен там именно с охраной Великого Князя я был связан.

Вместе с Булыгиным поехал Собственного Его Величества Конвоя хорунжий Грамотин⁷⁰.

Старшим офицером в Хараксе стал подполковник Жебровский⁷¹.

Приближалось 6-ое декабря — день Тезоименитства убиенного Императора. Большинство офицеров просило отслужить панихиду по Царской Семье; полковник Федотьев согласился, и мы, все свободные от службы офицеры, отправились в Кореиз, где в православной церкви и отслужили панихиду.

Все члены Династии и их окружение были поставлены в известность об этом, но, к большому нашему удивлению, никто из них в церкви не присутствовал. Очевидно это было сделано из солидарности с мнением Императрицы, хотя в совершившемся злодеянии никто не сомневался.⁷²

Примерно в то же время в Дюльберг приехал из Екатеринодара генерал Лукомский⁷³. Этот генерал был в числе главных руководителей политикой Добро- || [с. 33] вольческой Армии. Он был хорошо известен Великому Князю.

⁷⁰ Возможно, Александр Александрович Грамотин († 22 ноября 1967, Нью-Йорк). 30 декабря 1918 г. императрица «приняла Грамотина, который вместе с Булыгиным отправляется на поиски моего Н[ики] или сведений о нем, — весьма трогательно, но так опасно для тех и других» (Дневники. С. 288). Миссия обоих принесла печальные результаты и имела продолжение — 27 февраля императрица записала: «...я еще встретилась с двумя офицерами — Булыгиным и Грамотиным, которые отправляются в Англ[ию]» (Дневники. С. 305). По результатам работы, проведенной Булыгиным и Грамотиным, был составлен подробный отчет, изданный в переводе на английский язык с предисловием Бернарда Пареса и с приложением статьи А. Ф. Керенского. Можно предположить, что именно последним обстоятельством объясняется тот факт, что оригинальный русский текст этой книги, имевшей основания привлечь внимание именно русской аудитории, так никогда и не был издан. Уж слишком общеизвестной была непристойная роль Керенского в событиях, завершившихся трагедией июля 1918 г. По-видимому, книга заинтересовала иностранных издателей, и за первым британским изданием (*Bulygin P. The Murder of the Romanovs. The Authentic Account. Including the Road to the Tragedy by Alexander Kerensky. With an Introduction by Sir B. Pares. With 38 illustrations. Hutchinson & Co. London, 1935*) в том же году она была переиздана в США и в Италии (*Bulygin P. La fine dei Romanoff 1918. Con una parte introduttiva di Alessandro Kerenski. Milano, 1935. 269 p. (I Libri Verdi, drammi e segreti della storia; 27)*). Местонахождение оригинальной рукописи П. П. Булыгина доселе неизвестно. Теперь эта книга издана в обратном переводе с английского: *Булыгин П. П. Убийство Романовых. Достоверный отчет / пер. В. Шеффера; ред. пер. Т. С. Максимовой. М., 2001. 288 с.*

⁷¹ Полковник артиллерии Владимир Матвеевич Жебровский (7–4 ноября 1952, Нью-Йорк). Сам П. П. Булыгин отмечал, что 1 января 1919 г. «сдал охрану дворца Харакс капитану Войцеховскому» (*Булыгин П. П. Убийство Романовых. С. 37*).

⁷² В этот день, согласно записи в дневнике императрицы, «в 12 часов отслужили молебен в его здравие, на котором были Ольга и Соня [Ферзен]» (Дневники. С. 281).

⁷³ Генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский (10 июля 1868 — 25 февраля 1939, Нейи-сюр-Сен) состоял в должности председателя Особого совещания Вооруженных сил Юга России, а в 1920 г. был в числе руководителей эвакуации Русской армии из Крыма. В эмиграции был близок к великому князю Николаю Николаевичу.

Особый отряд по охране лиц императорской фамилии в Крыму...

Если наш приезд был первым непрочным звеном связи Великого Князя с Кубанью, то приезд Лукомского являлся уже как-будто звеном твердым. Этим свиданием должен был разрешиться вопрос о дальнейшей судьбе Великого Князя и его возглавления Добровольческой Армии.

Мы ожидали, что командование Добр.-Армии пригласит Великого Князя на Кубань, и он возглавит белое движение. Несомненно ждал этого и Великий Князь. Тогда нам казалось это совершенно естественным и правильным.

Совершенно случайно я узнал от Федотьева, что командование не приглашает Великого Князя, а считает его приезд на Кубан[ь] не желательным, и не только его, но и кого-либо из членов Династии. В случае опасности их дальнейшего пребывания в Крыму, членам Династии предлагается воспользоваться предложением английского командования в Константинополе и эвакуироваться за границу.

Наверное разговор Великого Князя с генералом Лукомским носил драматический характер.

Было ли правильным такое решение командования, судить трудно. Несмотря на тяжелые переживания после революции Великий Князь все время оставался в дворцовой обстановке, окруженный близкими ему людьми, и «Высочай- || [с. 34] шей Особой». Он совсем оторвался от жизни, замкнувшись в Дюльбере и не мог себе представить происшедшей перемены. И до и во время войны популярность Великого Князя была огромна, как среди армии, так и в общественном мнении. Но Россия жила в это время бешеным темпом. События развивались и чередовались. Их за один месяц хватило бы и на десять лет, чтобы их пережить и осмыслить.

Имя великого Князя потонуло в этом хаосе. В самой Добр.-Армии собственно только бывшие офицеры гвардии и некоторая часть Марковского полка были настроены монархически. Главное ядро Добр.-Армии — Корниловцы — идеи монархии не признавали⁷⁴.

Приезд на Кубань Великого Князя мог вызвать не подъем, а развал. Думаю, что все эти соображения и привели командование к решению отказаться от приглашения Великого Князя.

Тогда эта новость меня потрясла, но теперь я думаю, что решение было правильным и мудрым.

После свидания с Великим Князем генерал Лукомский посетил дачу Малама. Полковник Федотьев представил нас генералу. Обращаясь к нам, Лукомский поблаго- || [с. 35] дарил нас за службу и выразил надежду, что мы «до конца» будем так же исправно ее выполнять.⁷⁵

В тот же день Лукомский покинул Дюльбер.

Но жизнь продолжалась без существенных перемен. С прибытием пополнения с Кубани и зачислением в отряд офицеров, живших в Крыму, мы возросли до числа, способного правильно нести службу⁷⁶.

⁷⁴ Далее зачеркнуто [В их полковых песнях были совсем не лестные для монархии слова].

⁷⁵ Далее зачеркнуто [Это выражение «до конца» вызвало у нас недоумение и большие разговоры].

⁷⁶ 15 ноября 1918 г. императрица отмечала: «Пришли дочери <...> Они рассказывали, что на въезде к Николаше по всему пути выставлены офицеры, которым, помимо всего прочего, вменено в обязанность останавливать каждого встречного. Весьма глупая и дурацкая затея, мне неприятно думать об этом, но ведь он

Ежедневно назначался караул в Дюльбер, занимавший определенные посты. На ночь пост усиливался, и высылались патрули. Особенно обращали внимание на берег моря. Казалось вполне возможным высадиться с лодки вблизи дворца, и такое искушение должно было быть предотвращено. На даче Малама группы [sic!] свободных офицеров составляла «дежурную часть» днем и ночью всегда готовую немедленно по тревоге выйти на помощь постам. Мы не имели никакой⁷⁷ агентуры, но часто анти-большевически настроенное⁷⁸ местное население сообщало нам о появлении в горных татарских аулах и даже Кореизе каких-то подозрительных людей, сообщавших населению о скором приходе красных.

Происходили и нападения и избиения лиц, служивших при немцах в полиции и даже убийство такого полицейского на || [с. 36] своем посту и при Крымском правительстве.

Иногда ночью звонили по телефону на дачу Малама и сообщали, что вблизи и дачи и дворцов ходят какие-то неизвестные люди. Мы посылали патрули, чтобы успокоить испуганных обитателей, но никогда сами не видели ничего подозрительного и никого не задержали. Однажды и я почти всю ночь провел на даче княгини Орловой, и она до рассвета меня не отпускала, так как была уверена, что кто-то прячется вблизи ее дачи. В сущности, неожиданного в этом ничего не было⁷⁹.

Крымское правительство находилось в Симферополе. Его члены, в большинстве представители местной интеллигенции, как им и полагалось в это сумбурное время, занялись разрешением «великих» вопросов и не принимали никаких мер, хотя бы для собственной защиты.

В Симферополе же находился штаб представителя Добровольческой Армии при Крымском правительстве. Это был генерал барон де-Боден⁸⁰, мой первый командир Петроградского полка. При всем своем желании и большой деятельности он не мог ничего достичь, чтобы организовать какую-либо воинскую часть для обороны Крыма.

Крымское правительство боялось мобилизовать население, а добровольцами была лишь восторженная молодежь, гимназисты и кадеты. ||

[с. 37] Приехавший с Кубани «полк» полковника Гершельмана, человек 150–200 офицеров, который должен был явиться ядром для разворачивания новых частей, был направлен в Аскания-Нова севернее Крымских перешейков. Сразу же попав в борьбу с бандами, он нес большие потери, и под давлением наседавших с севера красных, отошел в Крым, потеряв убитым своего командира, доблестного полковника Гершельмана⁸¹.

таким вот образом пляшет под дудку какого-то идиота, внушившего, что ему опасно куда-либо выезжать. Тем самым он портит репутацию не только себе, но и всем нашим добровольцам. Знала бы я об этом раньше, я сказала бы ему все, что думаю по этому поводу» (Дневники. С. 277–278).

⁷⁷ Далее зачеркнуто агенд.

⁷⁸ *Испр.; первоначально написано* настроенные, после чего две последних буквы зачеркнуты.

⁷⁹ Действительно, в эти месяцы 1918 г. нападения на обывателей города Ялты были не редки, что усиливало тревогу как лиц императорской фамилии, так и их охраны. 13 декабря 1918 г. императрица особо отметила в дневнике дикий случай гибели знакомого ей московского предпринимателя Ю. П. Гужона (1852–1918): «Вчера вечером около 9 часов бедного месье Гужона убили в его же комнате на глазах у несчастной жены. Убийцы, разумеется, скрылись. Никто не знает, кто это мог быть» (Дневники. С. 283).

⁸⁰ Генерал-лейтенант барон Николай Андреевич де Боден (1860–1924, Осиек, Королевство СХС) был командиром Лейб-гвардии Петроградского полка.

⁸¹ Полковник Гершельман был убит 20 февраля 1919 г. в бою под Аскания-Нова. А. А. Вонсяцкий вспоминал: «Ночью прибыл грузовой автомобиль с адъютантом полка, поручиком Мухановым и двумя уланами,

Особый отряд по охране лиц императорской фамилии в Крыму...

Красные регулярные части надвигались на Крым и его участь была предрешена.

Правительство, занятое «великими» реформами, совершенно выпустило власть из своих рук. Местные коммунисты, загнанные при немцах в подполье, подняли голову и не стесняясь агитировали против Добр. Армии и правительства. Ждать какой-либо помощи с Кубани не приходилось.

Надо было принимать меры, чтобы спокойно, без паники и в порядке уйти из Крыма. Все эти грозные события развивались медленно, и у нас было время, чтобы подготовиться встретить опасность.

привезшими три тела: Гершельмана, Богуцкого и одного солдата, скончавшегося по дороге во время отступления остатков полка. Все они были в таком виде, в каком их подобрали. В нижней церкви Ялтинского собора, где омывались эти трупы, Муханов передавал подробности.

Эскадрон улан Его Величества, численностью в девяносто слишком человек в течение восьми часов выдержал бой против четырехсот большевиков и махновцев. У банды была даже артиллерия. Первым был убит Богуцкий. Он находился в цепи. Неприятельская цепь залегла в двухстах шагах. Младшие офицеры и уланы уговаривали Богуцкого лечь.

— Пусть эта сволочь посмотрит, как мы воюем! — отвечал он и так же стройно, с выпяченной грудью вперед, каким он выходил в ученье или шел по Набережной Ялты, — проходил вдоль своей цепи, бросая каждому патроны у кого не хватало и определяя прицел. Вдруг он падает. К нему подбегают, — он мертв. Пуля попала в сердце.

Теперь он лежит бледный, с полузакрытыми глазами, в той же боевой одежде, с улыбкой на лице, как бы повторяющей: — „Пусть эта сволочь посмотрит, как мы воюем!“ Как-то не верится, что этот худой, бледный и есть тот еще недавно веселый, красивый, с вечным румянцем на щеках, Богуцкий... Глаза, окруженные черной каймой, глубоко впали, нос заострился. Я нагибаюсь и целую холодный, покрытый слоем пыли, лоб. Рядом с ним лежит Гершельман. Шинель вся залита кровью...

Видя тяжелое положение эскадрона и узнав о смерти Богуцкого, Гершельман, стоя в дверях избы — штаба полка, вызвал к себе вахмистра, чтобы отдать какое-то приказание. Появившемуся вахмистру он успел только крикнуть: — „Почему коноводы не на местах“... и тотчас упал. Он еще жил, когда внесли его в хату. Пуля попала в шею и пробила аорту.

— Завяжите шею... Так... Хорошо... И он стих. Ушел в вечность.

Сейчас он лежит со спокойным лицом. Около него — его золотое оружие, Высочайше пожалованное за храбрость в Германскую войну. На георгиевском темляке несколько капель засохшей крови.

Дальше лежит солдат. Пуля попала ему в живот, и он по дороге скончался. Над ним стоит прибывший с ним, улан — его брат.

Я подхожу снова к Богуцкому. Нужно помочь переложить его в только что принесенный гроб. Как странно! Только теперь заметили, что три пальца правой руки были сжаты для крестного знамени. Покойный, в последнюю секунду, хотел перекреститься... И пальцы так и застыли. В левой руке была зажата обойма. Из карманов вынимаем несколько писем... Это той... которая сейчас бьется, тут же в церкви, в истерике.

Наконец, покойники омыты, уложены в гробы, обложены цветами. Глухо раздается бас протоиерея...

— Еще молимся об упокоении новопреставленных воинов Василия, Георгия, Андрея... <...>

Сейчас, привезенные герои покоятся, тихим сном под сводами храма. После заупокойной литургии тела последуют на мол, для погрузки их на пароход и отправки в Новороссийск, откуда проследуют в Екатеринодар и там рядом с могилой генерала Алексеева, будут преданы земле. Убитого солдата разрешено брату на казенный счет отвезти на родину, в Ставропольскую губернию. <...>

Дивный солнечный день, такой же, как тот, когда полк уходил из Ливадии в Асканию-Нова. На площадке, перед Собором, выстроены почетный караул из гвардейских офицеров Дюльберского отряда. Выносят гробы. Раздается команда „на кра-ул“ и звуки „Коль славен“.

На набережной выстроены английские моряки стоявшего у Ялты миноносца. При прохождении печального кортежа они берут „на кра-ул“.

Вся набережная запружена народом. Еще не так давно эта толпа приветствовала их и отсутствовала в бой... Вот заработала лебедка и, над головами стоявших на молу, высоко поднялся первый гроб, а за тем медленно стал опускаться в трюм. За ним второй, третий.

Пароход отчалил и вскоре скрылся из виду. Наш любимый командир ушел от нас навсегда» (Вонсацкий А. А. Против большевиков. (Отрывок из воспоминаний) // Часовой. 1930. № 25 (15 февраля). С. 26–28).

Прошло Рождество и наступил Новый 1919-ый год⁸². На даче Малама мы отметили эти дни стаканом крымского красного вина. Полковник Федотьев устроил нам полуженье вина из подвалов удель- || [с. 38] ного имения «Масандра» по казенной цене, то есть почти даром.

Замкнутость жизни членов Династии стала как-то еще большей. Мы видели только княгиню Надежду Петровну и Елену Георгиевну, когда они со своими мужьями шли во дворец обедать и возвращались к себе. Неизменно дружески был с нами князь Сергей Георгиевич.

Крымская зима была очень мягкой, но с частыми дождями, и мы часто до нитки мокли на своих постах.

В начале марта Великий Князь в экипаже поехал в Харакс навестить Императрицу⁸³. Визит был очень продолжительным. Мы охраняли путь до Харакса и ждали его возвращения. Князь ехал сумрачный, погруженный в думы и, казалось, не замечал нас, отдававших ему честь офицеров. Это было единственное свидание Великого Князя с Императрицей за все время нашего пребывания в Крыму и единственный Его выход за стены Дюльбера.

С каждым днем приходили все более тревожные новости о приближении красных. Среди некоторых офицеров, особенно присоединившихся к нам в Крыму, царили уныние и растерянность. Многие из них имели свои семьи тут же, вблизи Дюльбера, и потому было понятно их волнение. Но полковник Федотьев призывал всех к спокойствию и || [с. 39] и [sic!] уверял, что в случае необходимости все офицеры и их семьи будут своевременно эвакуированы на Кубань. А «Высочайшие Особы?», — спрашивали офицеры. Федотьев сердился: «Что же вы думаете, для того мы Их охраняли полгода, чтобы оставить Их здесь? Конечно, в первую очередь уедут члены Династии». «Куда — на Кубань?», — опять интересовались чины отряда. «Куда захотят, туда и поедут», — уклончиво отвечал Федотьев.

⁸² Согласно записям императрицы, 24 декабря 1918 г. ее посетили дочери — великая княгиня Ольга с мужем Н. А. Куликовским и сыном Тихоном и великая княгиня Ксения с сыном Дмитрием: «Мне нечего было подарить им, Ксения же, напротив, преподнесла мне изящный кофейник и писчую бумагу. Уже второе Рождество мы встречаем здесь» (Дневник. С. 286). Рождественская служба состоялась в храме в Ай-Тодоре. 25 декабря императрицу навестили еще несколько гостей — вел. кн. Ольга с сыном Тихоном, внуки — Димитрий Александрович и Ростислав Александрович, Ольга Орлова и внучка Ирина Александровна — супруга князя Ф. Ф. Юсупова-младшего.

⁸³ *Далее зачеркнуто* [Нас никто из членов Династии не поздравил с этими праздниками, и мы никого не поздравляли. Должно быть].

Согласно записям императрицы, великий князь посетил ее 15/28 марта 1919 г.: «В 2 часа дня в открытом авто прибыл Николаша, чем меня немало удивил, ведь он не выходит из дому. Сказал, что передал свой ответ генералу Деникину через английского офицера, сообщив, что в настоящий момент он уезжать отсюда не собирается, но, буде возникнет в этом необходимость, он с благодарностью примет любезное предложение англичан. То есть его мнение полностью совпадает с моим. Я воспользовалась случаем и сказала ему, что весьма сожалею о его затворничестве, которое выглядит весьма странным. На это он ответил, что стоит ему только выйти из дома, как его тут же окружает удвоенная охрана, даже в саду теперь выставлены офицерские посты. Я заметила, что не понимаю, почему он это позволил, ведь в такой охране нет никакой необходимости. И только Федотьев придает этому такое значение, он совсем не а la hauteur своего положения — только вредит ему своим дурацким поведением. Николаша все время твердил, что ничего не в силах сделать, поскольку не обладает никаким авторитетом и ни во что не хочет вмешиваться. Тогда я сказала ему: „По крайней мере ты можешь заявить протест против присутствия охраны в твоем собственном саду, ведь это совершенно невыносимо“. Впрочем, он, как всегда, был весьма любезен» (Дневники. С. 316).

Особый отряд по охране лиц императорской фамилии в Крыму...

Среди офицеров царило большое возбуждение. В том, что предстоит эвакуация, никто не сомневался. Вопрос, волновавший нас, заключался в том — куда поедут члены Династии.

Как я уже писал, только после случившегося я пришел к выводу, что решение командования предложить членам Династии уехать за границу, правильно и мудро. Но в этот момент я поддался общему настроению. Зная о неизбежности Их отъезда, я мучился в сомнениях. Генерал Деникин представлялся мне честным человеком, лояльным по отношению к Династии. Но он унаследовал окружение Корнилова, а эти люди не внушали к себе много доверия. Может быть они повлияли на решение командования?

Я не знаю, кто вел переговоры с англичанами, — все распоряжения по этому поводу мы получали от коменданта || [с. 40] Севастополя, генерала Суботина [sic!]⁸⁴.

Великий Князь пожелал, чтобы Добр. Армия воспользовалась его автомобилями, и команда наших офицеров под начальством моего брата выступила в Севастополь в составе пяти машин, где погрузились на транспорт и благополучно достигли Новороссийска. Еще накануне отъезда мой брат и назначенные офицеры перевозили на грузовике большой багаж членов Династии в Ялту, где все погрузили на английский транспорт.

[Накануне отъезда Высоких Особ, будучи в карауле, поручик.]

Между тем в Ялту пришло много пароходов и английских транспортов, которые грузили всех желающих покинуть южный берег Крыма. Делалось это спокойно, в порядке, и все, хотевшие уехать, получили места и покинули берега Крыма. Некоторые пароходы взяли курс на Египет, другие на Мальту, и эти беженцы стали «гостями английского короля»⁸⁵. Другие пошли на Кубань.

Я еще не говорил, что в маленькой даче на мысе Ай-Тодор жила Великая Княгиня Ольга Александровна, сестра Государя, со своим мужем, полковником Куликовским, и их 2-мя детьми. Жили они так скромно и незаметно, что даже многие офицеры отряда не знали об этом. Мы их не охраняли, Великая Княгиня этого не хотела, чтобы не обращать на себя || [с. 41] внимания. И в это время общего беспокойствия Ольга Александровна без чьего-либо содействия собралась и села на пароход с мужем и детьми на пароход⁸⁶ [sic!], идущий на Кубань. Уезжать из России она не хотела, и на пароходе

⁸⁴ Генерал-лейтенант Владимир Федорович Субботин (10 марта 1874 — 4 сентября 1937, Асунсион). Окончил Орловский кадетский корпус (1892), Николаевское инженерное училище (1895), Николаевскую инженерную академию (1900). В январе 1920 г. был командиром Севастопольской крепости.

⁸⁵ 12 апреля 1919 г. императрица отметила в дневнике: «Мы встали на якорь у Принцевых островов, не отличающихся особой красотой. Все поднялись на палубу, предвкушая прибытие, мы причалили в 11 часов утра. Нашим глазам предстало множество судов, переполненных несчастными беженцами, прибывшими вчера. Соня и Вера Орб[елиани] поднялись к нам на борт поздороваться с нами. Они рассказывали, какая жуткая давка создалась на их корабле. Англичане проявляли чрезвычайную любезность и делали все, что могли, чтобы облегчить их участь» (Дневники. С. 324).

⁸⁶ Планируемый отъезд великой княгини Ольги Александровны был чрезвычайно болезненно воспринят императрицей. Известие об определенном намерении великой княгини Ольги оставить Крым она получила 23 декабря: «Ксения сказала, что Ольга едет сразу же после рождества, чем совершенно выбила меня из колеи. Какой вздор! Я-то надеялась, что отъезд отложен до первого» (Дневники. С. 286). В среду 26 декабря 1918 г. императрица вновь записала: «Ольга застала меня за кофе и сообщила, что они едут в пятницу. Идея сумасбродная, но с этим упрямым [т. е. супругом вел. кн. Ольги — Т. Н. Куликовским. — А. К.] ничего нельзя поделать. Бед[няжка] Ольга находится меж двух огней, так что грешно с ней говорить об этом»

была не Великой Княгиней, а женой полковника Куликовского. Она благополучно высадилась в Новороссийске и прожила на Кубани все время до великого исхода Добровольческой Армии.

Со слов Федотьева мы узнали, что члены Династии сядут на английский дредноут «Мальборо», который предоставлен в распоряжение Императрицы⁸⁷.

Было решено, что погрузка членов Династии в Ялте может привлечь слишком большое внимание остающегося населения, и эта операция будет произведена прямо с пляжа Кореиза.

На следующее утро мы увидели огромный дредноут, развернувшийся перед Кореизом так близко к берегу, насколько позволяла глубина. С «Мальборо» англичане высадили роту морской пехоты, которая быстро рассыпалась цепью, охватывая весь пляж, и начала подыматься по виноградникам. Англичане очевидно боялись, что кто-либо может помешать посадке членов Династии. Полковник Федотьев вошел в связь с офицером-командиром роты, уверил его в ненужности таких мер, и англичане удали- || [с. 42] лись, оставив на пляже 1 взвод в виде почетного караула для императрицы. По распоряжению Федотьева мы сами развернули цепь офицеров вдоль нижнего шоссе, а на верхнем шоссе стояли кучки татар, наблюдающих за происходившим.

Остальные офицеры собрались на пляже, выстроились так же в виде почетного караула как раз против англичан. Уходя на пляж полковник Федотьев приказал мне оставаться у подъезда Дюльбера, куда должна была приехать Императрица. Остальные члены Династии и все лица их сопровождающие уже были на пляже и постепенно садились в моторный катер, подошедший к пристани на пляже и перевозивший их на корабль. Была небольшая мертвая зыбь и катер сильно качало.

Я ждал довольно долго, уже думал, что Федотьев ошибся, и Императрица приедет к пляжу другой дорогой. Но вот показался парный экипаж и остановился у подъез-

---

(Дневники. С. 286). 27 декабря: «Чувствую, что я больше возмущена, чем подавлена предстоящей тяжелой разлукой. Каким же надо быть жестоким, чтобы причинить мне страшную боль. Ольга и Ксения были к завтраку, я даже не могла говорить — такой несчастной себя ощущала» (Там же. С. 287). 28 декабря: «Слава Богу, судоходное сообщение прервано, так что уехать они не могут, но и ожидание — тоже пытка» (Там же). 31 декабря «Эм[ма] Ив[ановна] принесла записку от Ольги, которая сообщила, что пароход ожидается завтра и, стало быть, они уезжают! Приятное известие! Действительно, я в полном отчаянии и полагаю, что все это бред» (Там же). В первый день нового, 1919 г. отъезд, наконец, состоялся после долгого прощания: «...любимая моя Ольга покинет меня сегодня, и, наверное, навсегда. Они будут так далеко, что я даже не смогу получать телегр[аммы] или письма, исключая переданные с okazji, но okazji ведь так редки! <...> Я видела, как мимо прошел проклятый пароход, который увезет их. <...> Какая же это жестокость, просто-напросто грех, ведь он отнял ее у меня, да еще в такое время! Господи, спаси и сохрани ее!» (Там же. С. 291). Отъезд был подготовлен обстоятельно, и в маленьком домике у Ай-Тодорского маяка не осталось ничего — «ни кроватей, ни кухонных принадлежностей, поскольку Ольга все взяла с собой» (Там же. Запись от 26 марта 1919 г. С. 315). Перечисляя всех, кто навестил ее в этот тяжелый день, императрица отметила, что: «Николаша не приехал, он *soit disant* просто не может выехать без охраны, ему подавая офицерский эскорт — какая глупость! Не понимаю, зачем все это ему нужно» (Там же. С. 291).

Вопреки мрачным предположениям, о первом известии от дочери — телеграмме, полученной кн. Долгоруким, Мария Феодоровна узнала уже в воскресенье 19 января (Там же. С. 292). Переписка их (первое письмо пришло 2 февраля (Там же. С. 297); еще два письма вел. кн. Ольги, в ответ на дошедшее за 16 дней первое письмо императрицы, получены были 15 февраля (Там же. Запись от 15 февраля. С. 300–301)) не прерывалась во все время пребывания императрицы на русской территории.

⁸⁷ Посадка на борт «Мальборо» проходила 7 апреля (по н. ст.) 1919 г., в день рождения великой княгини Ксении Александровны.

Особый отряд по охране лиц императорской фамилии в Крыму...

да. Императрицу сопровождала княгиня Юсупова. Две старые, маленькие женщины во всем черном в маленьких черных шляпах.

Выйдя из экипажа, Императрица поблагодарила кучера и протянула ему руку, который [sic!] тот, сняв шапку, благоговейно поцеловал. Она погладила лошадей и грустно сказала: «Прощайте, милые, больше вы не будете меня возить». ||

[с. 43] Императрица подошла ко мне и как будто удивилась, что никого из членов Династии не было. «А где же все?», — спросила она меня. Я ответил, что все уже на пляже. «Ну, ведите меня, я не знаю, как туда пройти». Я шел впереди по дорожкам парка, ведущим к пляжу. Время от времени я оглядывался и видел двух старушек, шедших под руку и таких удрученных и беспомощных, на долю которых выпало еще одно большое горе — покинуть родную землю.

Но когда мы вышли к пляжу Императрица переменялась — как-то выпрямилась, лицо стало спокойным, весь Ее вид приобрел какую-то величественность. Подойдя к английскому взводу, Императрица подала руку офицерам. К моему удивлению они не поцеловали руки Императрицы. Английские солдаты удивленно вытягивали шею, улыбаясь — мимо них проходила дама, как две капли воды похожая на их королеву.

Подойдя к нам, Императрица каждому подала руку; видно было Ее сильное волнение и как Она сдерживалась, чтобы его не показать. Обойдя всех, Она обернулась и что-то сказала. Я не слышал точно Ее слов, но потом узнал, что Она поблагодарила нас за службу и выразила надежду, что мы еще увидимся.

К Императрице подошел Великий Князь, заботливо || [с. 44] взял под руку и повел к катеру⁸⁸. Княгиня Юсупова уже была в катере. Последним в него вскочил князь Никита Александрович. Сейчас же подошел большой катер, и англичане вскочили в него. Посадка кончилась. Все члены Династии были на дредноуте «Мальборо».

⁸⁸ Совсем иначе рассказывает об этом дне императрица: «7 апреля. Понедельник. День рождения моей любимой Ксении. Боже, спаси и сохрани ее! Сегодня два года, как мы приехали сюда, и вот я до сих пор нахожусь здесь! <...> Впервые все собралось на завтрак у меня внизу. Еще утром нам сообщили с английского корабля, что полученные угрожающие известия с Перекопа и поэтому нам следует быть наготове. Когда все в 2 ¼ часа дня разошлись, я поднялась наверх и стала спокойно укладываться. Но тут пришел гр[аф] Менгден и передал от Николаши, что нам необходимо в 4 ¼ часа прибыть в Дюльбер, чтобы оттуда перебраться на борт корабля. Какой ужас — меня точно по голове ударили! Я пребывала в полном смятении из-за того, что вот так внезапно нас, словно преступников, вынуждают сниматься с места. Навестившие меня Апрак[сина], Дены и Ина Мальцова ни о чем даже не догадывались и пришли в полное отчаяние. Тем не менее я угостила их чаем, после чего они помогли мне собраться, и мы все отправились в Дюльбер, где, к моему удивлению, уже никого не застали. Пришлось нам спуститься вниз, на пляж Юсуповых, куда вместе с ними прибыла Ксения! Бедняжка Ксения ужасно плакала. И вот настал час прощания с Ферзенами, офицерами, Дмитрием Шер[еметевым] и всеми другими друзьями. Мы направились к небольшому английскому пароходу, который доставил нас на борт громадного красавца „Мальборо“. Я резко высказала свое негодование кап[итану] Джонстону, выразив сожаление по поводу того, как все это было сделано. В ответ он сказал лишь, что спешка вызвана крайней необходимостью и мы успели на корабль в самый последний момент. <...> Дюльберцы заняли все лучшие каюты, тогда как Ксения и все ай-тодорцы довольствовались тем, что осталось. Невообразимое бесстыдство! Их же самих даже не было видно. Когда же я спросила моих господ хороших, кто отдал такой приказ, выяснилось, разумеется, что они ничего не знают. Ничего подобного со мной не случилось <...> Очаровательный офицер Продхем предложил Ксении вместе с нею уладить все наилучшим образом. Моя несчастная горничная с частью багажа прибыла на корабль уже в полной темноте, после 11 часов. <...> Мы отужинали все вместе — двое братьев [т. е. великий князь Николай Николаевич и Петр Николаевич. — А. К.] с черногорскими женами, их дети и Ольга Орлова. Сегодняшнее событие душераздирающее, но и по форме всего происшедшего просто еще и возмутительное. Мы снялись с якоря в 5 ½ часа и взяли курс на Ялту, где и заночевали. В моем распоряжении оказались прекрасная каюта кап[итана] и великолепный салон» (Дневники. С. 321–322).

Мы медленно поднимались ко дворцу Дюльбера. Федотьев мне сказал, что Великий Князь оставил различные военные вещи, чтобы офицеры могли взять их себе.

Я первый раз вошел внутрь дворца. В нем были большие комнаты, богато обставленные, много ковров, по стенам старинное оружие и картины. В одной из комнат на диванах и столах были разложены предметы военной одежды, кое-какое оружие и даже целый ряд высоких сапог. Я взял себе черкеску с газырями из слоновой кости, простой кавказский кинжал и генерал-адъютантский аксельбант и погоны Великого Князя. Эта черкеска была исторической, в ней Великий Князь вошел в побежденный Эрзерум. Все офицеры также разобрали вещи, и, наконец, мы, подавленные всем случившимся, вернулись на дачу Малама.

Масса разговоров и споров поднялось между нами. Правильно ли мы поступили? Может быть следовало помешать посадке Великого Князя на английский корабль. Ясно, что он будет увезен за границу. И тут я, наконец, сказал то, что знал || [с. 45] раньше — что вопрос об отъезде Великого Князя и членов Династии был предрешен. Мы, приезжая в Крым, не имели задачей поставить Великого Князя во главе белого движения. Наша задача была предотвратить опасность, которая угрожала членам Династии, и эту задачу мы по мере своих сил мы [sic!] исполнили. Никто и ни в чем не может нам бросить упрека — наша совесть может быть спокойной. И не наше дело вмешиваться в решения командования. Такая критика может повести к разрушению дисциплины.

Мои слова как будто успокоили офицеров, мы разошлись по своим комнатам, собрали наш нехитрый багаж и прилегли до утра.

Рано утром к даче Малама подъехало экипажей десять ялтинских извозчиков [sic!]. Их пригнал присоединившийся к отряду юнкер Вонсяцкий⁸⁹. Татары-извозчики [sic!] охотно выразили желание оказать нам последнюю услугу — везти нас в Ялту.

⁸⁹ Анастасий Андреевич Вонсяцкий (30 мая 1898 — 5 февраля 1965, США) — сын полковника жандармов А. Н. Вонсяцкого, убитого в 1910 г. в г. Радоме. В 1916 г. поступил в Николаевское кавалерийское училище и кадетом приписан к Пятому гусарскому Александрийскому императрицы Александры Феодоровны полку. Не завершив обучение, досрочно выпущен в ноябре 1917 г. в чине юнкера. В конце 1917 г. выехал на Юг России, присоединился к Добровольческому движению. 28 марта 1919 г. прикомандирован к Отряду особого назначения по охране лиц императорской фамилии. Впоследствии участвовал в боевых действиях против большевиков, в том числе и в Крыму и Северной Таврии, дважды был ранен. В марте 1920 г. эвакуировался в Константинополь. 10 мая 1933 г. совместно с ветераном Добровольческого движения Д. И. Кунле учредил Всероссийскую фашистскую организацию и преимущественно известен как ее руководитель до своего ареста в США в 1942 г., теоретик русского фашистского движения и автор нескольких книг.

А. А. Вонсяцкий оставил достаточно красочное и избыточное подробностями описание событий марта-апреля 1919 г. Подробностей этих в тексте А. А. Вонсяцкого уже очень много, что, впрочем, не дает оснований сомневаться в фактической стороне его рассказа — события совершались действительно выдающиеся, и будущий талантливый оратор и журналист вполне свидетельствовать о них десятилетием позже, используя собственные записи: «28 марта было получено известие, что штаб армии переехал в Керчь. В этот день был расклеен приказ начальника Ялтинского гарнизона, требующий, чтобы офицеры и прочие воинские чины Добровольческой армии немедленно приписались и явились либо в Татарский стрелковый полк, расположенный в Массандре, либо в Дюльберский отряд.

В этот вечер у „Раввэ“, за столиком Денизы Эдуардовны сидели: Дима Криштофович, Мейер, „Царевый ротмистр“ Балашов, Псковского полка ротмистр Полтинин, раненый на костылях нашего полка — улан-поручик Измайлов и пешей гвардии пор. Михайлов. Настроение было подавленное. Все решили прикомандированы [sic!] к Дюльберскому отряду, который из Дюльбера уже прибыл в Ялту и занял опустевшую гостиницу „Россия“. Ровно в одиннадцать мы все явились. Фойе было наполнено офицерами Дюльберского отряда — офицерами гвардейских полков, одетых при полной боевой, с подсумками на поясах и винтовками. Раненый Измайлов был отвезен на стоящий последний пароход.

Особый отряд по охране лиц императорской фамилии в Крыму...

Было грустно покинуть полюбившееся мне место. Все было брошено — дворцы, виллы и дачи с накопленным имуществом, кое-где оставленным на попечение при-

---

Императорская Фамилия уже находилась на борту „Мальборо“.

Только что получено сведение: — в Гурзуфе образовался местный совдеп. На грузовой автомобиль сажаются группа офицеров, с двумя пулеметами, для ликвидации появившихся “товарищей”...

В час ночи вернулись. Совдеп был окружен и расстрелян на месте...

Приблизительно в это же самое время, было приказано всем по два или по три рассыпаться по городу, с задачей раздобыть перевязочные средства. В три часа ночи было решено выступить из Ялты в Дюльбер, там захватить свой обоз идти дальше на Севастополь, где была произведена посадка отряда на пароход.

Тихая ночь. Ни души на набережной. Мертвая тишина. На рейде видны огни „Мальборо“. Там все они... Неужели навсегда покидают Россию, в которой столько лет царствовали?... Нет, они вернутся!.. С торжеством, с колокольным звоном!.. <...>

В три часа утра, длинный эшелон, состоящий из извозчицких экипажей и телег, двинулся по Набережной, в сторону Ливадии. В голове отряда, на рессорной коляске, ехало трое. Командующий отрядом капитан Апухтин, ротмистр Каменский и я. Вдруг, не доезжая Ливадии, появляются огни автомобиля, слышен мотор. Автомобиль приближается к нам:

— Стой!..

Автомобиль остановился.

— Кто идет, чей автомобиль?..

— Уполномоченный Крымского краевого правительства. Автомобиль принадлежит ему же. Еду в Ялту.

— Крымского краевого правительства не существует. Оно уже в Батуме. Автомобиль реквизируется. Апухтин, реквизируй машину... — приказывает Каменский.

— Автомобиль реквизирован... Граф Му-ра-вьев А-мур-ский! — зарычал Апухтин.

— Здесь! — послышалось из темноты и через минуту у мотора появился высокий лейб-казак.

Приказываю Вам взять себе на помощь еще кого-нибудь, сесть в автомобиль, поехать в Ялту, раздобыть бензин и нагнать нас...

— Уполномоченного высадить, — добавляет Каменский.

— Слушаюсь... Юнкер Вонсяцкий, садитесь рядом с шофером, — приказывает Муравьев. — Шофер, ходу в Ялту!..

Вот и Ялта снова. У „Ореанды“ остановка. Уполномоченный высажен. Летим дальше на мол. Влетаю в управление порта. На полу большой залы спали измученные люди. Все — в офицерских погонах... Это — знаменитая „команда мола“. Разыскиваю их начальника — капитана Никольского...

Наконец нахожу. Долгих усилий стоит его разбудить.

— Черт возьми, четвертую ночь не дают заснуть, — ругается он. На кой черт вам бензин?... Нету у меня никакого бензина. Пошли вы к черту со своим графом!..

К счастью, выручил капитан парохода „Посадник“. Собственно, он, молодой морской лейтенант, был в тот момент хозяином порта.

— Видите эти цистерны, — указал он, — все они пустые, но там, в конце одна, — в ней есть. Берите, сколько вам нужно, остальное выливайте в море. Все равно, сейчас все уходит!

Действительно, все что еще оставалось „добровольческого“ было сконцентрировано здесь. Тут же на молу, под открытым небом, сидел за столом, у фонаря, комендант и подписывал последние удостоверения, выдавал пропуски и проч.

Бензин был взят и мы полным ходом помчались в Дюльбер, где нашли Отряд отдыхающим.

Командир отряда полк. Федотов сообщил нам, что он донес Его Императорскому Высочеству, что вверенный ему отряд направляется в Севастополь для посадки, в виду того, что в Ялте не имеется для него судна, а английские суда его не берут. В ответ на это, последовал приказ Великого Князя — обождать, пока он лично не переговорит по радио, с английским командованием.

В десять часов утра был получен ответ — возвращаться в Ялту, без хозяйственной части, где произойдет посадка на английский миноносец. Обозу же продолжать следовать в Севастополь, под охраной не менее взвода с пулеметами.

Около двух часов отряд снова вступил в Ялту, всю залитую солнцем, но совершенно безлюдную. На набережной никого. Магазины закрыты. Кафе „Раввэ“ пустое... „Флорен“ тоже... У „России“ никого, даже извозчика [sic!]... — Прощай, красавица Ялта!.. Может быть сегодня вечером здесь уже будут красноармейцы...

В три ровно миноносец тронулся.

слуги, как в Дюльбере и Ай-Тодоре, а Харакс был просто заперт — на въездных воротах в имение висел огромный замок. Проехали Ливадию и, подъезжая к Ялте, || [с. 46] увидели входящий в порт небольшой английский транспорт. Других кораблей у мола не было. Ближе к молу в море⁹⁰ подымалась стальная громада «Мальборо».

Я протянул извошкику [sic!] какую-то денежную бумажку, но татарин, сняв шапку, отвел мою руку и грустно сказал: «Спасибо, барин, денег мне не надо, лучше Вы скорее возвращайтесь».

Пришедший транспорт оказался предназначенным для нас. Его капитан⁹¹ пригласил нас грузиться, он особенно настаивал на том, чтобы все сели, просил пересчитать — не остался ли кто. Он получил приказание не уходить из Ялты пока все офицеры не погрузятся.

К молу подошел катер с «Мальборо». Полковника Федотьева звали на корабль. Вернулся он скоро сильно взволнованный. Первый раз⁹² я видел этого твердого человека, чем-то потрясенного. Он передал нам, что его приняла Императрица, еще раз благодарила за службу, благословила его и просила передать нам Ее благословение. Она верит в наше правое дело и молится о победе над красными. Теперь Она убедилась, что все, желающие покинуть Крым, уехали. По Ее настоянию за нами прислан английский транспорт, стоявший свободным в Севастополе. Она хочет еще раз нас видеть и просит капитана || [с. 47] транспорта обойти вокруг «Мальборо» возможно ближе.

В этот момент Мария Феодоровна была настоящей русской царицей. Эта маленькая старая женщина проявила огромную настойчивость и характер. Не даром она была женой Александра III!

«А Великий Князь?»

Федотьев как-то грустно ответил: «Великий Князь пожал мне руку. Он ничего не сказал; наверное был очень взволнован».

Из разговора с бароном Сталем Федотьев узнал, что Великий Князь уезжает за границу по собственному желанию, никто его к этому не принуждал. Он не хотел своим присутствием мешать генералам, взявшим в свои руки управление белым⁹³ движением.

— Господ офицеров прошу выстроиться по правому борту миноносца. Миноносец пройдет мимо „Мальборо“. Ее Величество и Его Императорской Высочество желают проститься с отрядом!.. — раздается голос Федотьева.

Все выстроились в одну шеренгу у поручен. Минута ожидания и глубокого волнения. Миноносец тихо проходит, совсем близко мимо дреднаута [sic!]. Вот на носу его, держась за поручни, стоит в черном Она. Плачет... Государыня плачет... Машет белым платочком и вытирает свои слезы...

Дальше он... Высокий, в солдатской шинели с генерал-адъютантскими погонами и серой папахе. Он отдает честь...

Грнуло „ура“... Сильное, могучее, но не радостное, а грустное...

Миноносец огигает дреднаут [sic!] и берет направление на Севастополь. Все дальше и дальше отходит он от „Мальборо“, который уже превратился в точку, а „ура“ не смолкает. Вдруг исчезло все, „ура“ оборвалось. Все без команды повернулись и разошлись... Я нарочно старался заглянуть всем, кому мог, в глаза. Я хотел убедиться, один ли я, что не выдержал и заплакал... Нет, у всех были влажные глаза. Каждый, отойдя в сторону, вытирал их платком...» (Часовой. 1930. № 30 (30 апреля). С. 23–24).

⁹⁰ *Далее зачеркнуто ид.*

⁹¹ *Далее зачеркнуто пригла.*

⁹² *Далее зачеркнуто у.*

⁹³ *Испр. вместо изначально написанного белаго.*

Особый отряд по охране лиц императорской фамилии в Крыму...

Сталь прибавил, что после посадки в Кореизе «Мальборо» снялся с якоря и взял курс на Константинополь, но Императрица настояла повернуть к Ялте и там стать на рейд пока Она не увидит, что все уехали, и что мы, чины отряда тоже погрузились на транспорт⁹⁴.

И вот мы вышли из-за мола Ялты и приблизились к дредноуту. На самом конце кормы стояли Императрица и Великий Князь,⁹⁵ Она как и накануне, вся в черном, а Великий Князь в пальто и папаче. Великий Князь стоял неподвижно, отдавая нам честь, а императрица махала нам плат- || [с. 48] ком, время от времени прижимая его к глазам. Она плакала. Мы иступленно кричали «ура» и... тоже плакали⁹⁶.

Мыс Ай-Тодор скрыл от нас дредноут, мы шли в Севастополь. Капитан транспорта распорядился очистить для нас часть матросских кают. Матросы принесли нам горячее кофе, консервы, галеты и папиросы.

Но мы остались на палубе, было светло. Тесно прижавшись друг к другу, мы сидели молча, подавленные и приниженные.

В суматохе событий мы забыли даты, и, вдруг, я вспомнил, что накануне было 25-ое марта — день Благовещенья⁹⁷.

Мы были в Севастополе, Феодосии и, наконец, прибыли в Новороссийск. Там всем офицерам кавалерии было приказано отправиться в распоряжение генерала Врангеля, командовавшего всей конницей. Нас, оставшихся, переправили в район Сочи-Адлер.

В ближайших к Сочи горах бродили «зеленые». Так называли дезертиров с кавказского фронта, никому не подчинявшихся и время от времени делавших кровавые набег на побережье. Шла какая-то нелепая война с Грузией, «войска» которой двигались с юга вдоль Черного моря. Побережье было разорено. Ни одного грузина мы не видели, наше пребывание там казалось совсем лишним⁹⁸. ||

[с. 49] Мы просили Федотьева доложить в штаб, чтобы нас расформировали, и мы могли бы отправиться по своим частям.

⁹⁴ 8 апреля 1919 г., уже на борту «Мальборо», императрица записала: «Я попросила у капитана Джонстона прощения за вчерашнее и надеюсь, теперь мы станем с ним добрыми друзьями. Я сказала ему еще, что хотела бы отправиться отсюда тогда, когда будут эвакуированы все желающие уехать из Ялты и ее окрестностей. Он человек замечательный и обещал сделать все, что в его силах. <...> В Первой половине дня меня навестили некоторые из наших офицеров охраны, среди них Ногаец, Боткин и Павлов. Они хотели попроситься и заодно узнать, что же станет с ними. Я тут же попросила капитана оказать мне любезность и позаботиться о том, чтобы отправить их на каком-нибудь корабле в Севастополь, что он мне сразу же и пообещал сделать» (Дневники. С. 322).

⁹⁵ *Далее зачеркнуто* Как.

⁹⁶ 11 апреля 1919 г. императрица отметила: «...в 9 часов мы снялись с якоря. <...> У меня сердце разрывалось при виде того, что этот прекрасный берег мало-помалу скрывался за плотной пеленой тумана и наконец исчез за нею с наших глаз навсегда. <...> Забыла вчера написать, что благодаря моим мольбам всех наших несчастных офицеров охраны взяли на борт английского корабля. Он прошел в непосредственной близости от нас в полной тишине, которую внезапно нарушили громкие крики “ура!”, не смолкавшие до тех пор, пока мы могли слышать их. Этот эпизод, в равной мере красивый и печальный, тронул меня до глубины души» (Дневники. С. 324).

⁹⁷ В Послужном списке С. А. Апухтина указано: «1919 г. 25 марта отбыл в составе отряда особого назначения в Новороссийск-Адлер» (Частное собрание).

⁹⁸ В послужном списке С. А. Апухтина указано: «На фронте против войск Грузии до 20-го мая [1919 г.]». (Там же).

А. К. Клементьев

Я часто вспоминал слова генерала Кутепова перед нашим отъездом в Крым, что «главнокомандующий ценит каждого из вас на вес золота».⁹⁹

Доклад Федотьева был штабом удовлетворен. Офицеры стали разъезжаться. Скоро уехал и я.

[¹⁰⁰Следующий период моей жизни был насыщен событиями, встречами и переживаниями. Воспоминания о нем составят отдельную главу.]

Так восторженно и жертвенно начавший свою жизнь, незаметно сошел на нет и кончил свое существование «Отряд Особого назначения для охраны Лиц Императорской Фамилии в Крыму».

Дополнение

Поступили в Отряд в течение пребывания отряда в Крыму:

Жившие в Крыму:

Поручик Порчинский

Корнет Смирнов

Улан Ее Величества ротмистр

Князь Андроников¹⁰¹

Корнет Гурьев

Гусар Его Величества корнет Болдырев

Юнкера Николаевского Кавалерийского училища

Вальц¹⁰², Ярморкин и перед эвакуацией юнкер Вансяцкий [sic]

Крымского Конного полка корнет Фе

Саперных войск прапорщик Терещенко.

Приехавшие с Кубани:

Лейб-Гв[ардии] Павловского полка поручик Пилсудский¹⁰³

Армейской Конной артиллерии подполковник Жебровский

Лейб.-Гв[ардии] 4го Стрелкового Императорской Фамилии полка

поручик Дурново¹⁰⁴

Ротмистр Шакальский

Собственного Его Величества Конвоя хорунжий Нагаец.

---

⁹⁹ Далее зачеркнуто Я думал, что цена на нас сильно упала.

¹⁰⁰ Зачеркнуто Этот.

¹⁰¹ Владимир Михайлович Андроников (24 февраля 1878 — 29 декабря 1942, Мюнхен). Полковник Лейб-гвардии Уланского императрицы Марии Феодоровны полка (Парижский вестник. 1943. № 31 (16 января, суббота). С. 3).

¹⁰² Возможно, Сергей Феликсович Вальц (1900 — 8 июля 1981, Париж). Корнет Лейб-гвардии Кирасирского ее величества полка (Часовой. 1981. № 634. С. 22).

¹⁰³ Возможно, Виктор Георгиевич Пилсудский (? — скончался до 10 марта 1928 г. во Франции).

¹⁰⁴ Александр Александрович Дурново (? — 9 ноября 1931, Париж). Капитан Лейб-гвардии 4-го стрелкового императорской фамилии полка. Окончил Императорский Александровский лицей.

II. Краткая записка о службе Полковника Сергея Александровича АПУХТИНА¹⁰⁵

Родился 1893 г., августа 22-го дня.

Православный.

Окончил 3-й Московский Императора Александра II-го кадетский корпус и Павловское военное училище портупей-юнкером.

ВЫСОЧАЙШИМИ приказами произведен в чин подпоручика августа 6-го 1913 года Л[ейб-]Гв[ардии] в С[анкт]-Петербургский Короля Фридриха Вильгельма полк.

В поручики с 19 ноября 1914 г.

В штабс-капитаны с 19 января 1915 г.

В капитаны с 19 января 1916 г.

Приказом Главнокомандующего Добровольческой Армией произведен в чин полковника с 18-го сентября 1918 г.

Участвовал в составе Л. Гв. Петербургского полка в войне против Австро-Германии с 19 июля 1914 года.

Мая 22-го 1916 года командирован в Собственный ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА полк[,] в составе которого нес службу при ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМ ВЕЛИЧЕСТВЕ в гор. Могилеве и ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМ ВЕЛИЧЕСТВЕ Государыне Императрице АЛЕКСАНДРЕ ФЕОДОРОВНЕ в г. Царском Селе.

1917 года 1-го сентября командирован в гор. Петроград, после чего в полк не возвращался.

Имеет награды: Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость»; Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом; Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом; Св. Станислава 2-й ст. с мечами; Св. Анны 2-й ст. с мечами; Св. Равноапостольного Князя Владимира 4-й ст. с мечами и бантом и Георгиевское оружие с надписью «За храбрость».

Ранен в бою у пассада Гура-Кальвария 29-го сентября 1914 г. в обе руки и в бою у дер. Молотово 1-го июля 1915 года в левое плечо.

1918 г. 8-го сентября прибыл в Добровольческую Армию рядовым || 13-й Роты Марковского Офицерского полка.

1918 г. 20 октября командирован помощником Начальника Отряда охраны Лиц Императорской Фамилии, находящихся в Крыму.

1919 г. 25 марта отбыл в составе отряда особого назначения в Новороссийск-Адлер.

На фронте против войск Грузии до 20-го мая.

1919 г. 25 мая прибыл в Сводно-Гвардейский полк командиром роты.

В составе 2-го гвардейского полка, командиром батальона.

Командующим 3-м Гвардейским полком.

Участвовал в походе Армии Генерала Бредова в Польшу.

1920 г. в Крыму в Русской Армии рядовым таганрогского полка.

Командиром Стрелкового полка немцев-колонистов.

1-го ноября 1920 года эвакуировался в г. Константинополь.

¹⁰⁵ Краткая записка о службе полковника Сергея Александровича Апухтина. Л. 1–1 об. Машинопись с рукописными вставками разных почерков. Чернильный оттиск печати. На л. 1 в левом верхнем углу приклеена фотографическая карточка. Частное собрание.

А. К. Клементьев

В службе сего штаб-офицера не было порочащих его случаев, лишающих права на награждение «знаком отличия беспорочной службы».

Правильность вышеизложенных сведений подтверждаем.

Лейб-Гвардии Петроградского полка

Полковник Лисовский

Полковник Разнатовский.

10 ноября 1926 г.

Г. Београд

Кр. С. Х. С.

Собственноручные подписи Полковника ЛИСОВСКОГО и Полковника РАЗНАТОВСКОГО, свою подписью и приложением печати Делегации, удостоверяю. — *Базаревич*

Начальник Отдела Делегации,

ведущей интересами Русской эмиграции

в Королевстве С. Х. С.

«13» ноября 1925 г.

Белград.

[Круглая печать:]

Делегация, ведущая интересами русской эмиграции в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев

III. В РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ В ГОРОДЕ ПАРИЖЕ¹⁰⁶

Бывшего полковника Русской Армии Сергея Александровича АПУХТИНА, проживающего в Юго-Славии, в г. Белграде по Дечанской ул. № 14. —

Прошение.

Настоящим имею честь просить зачислить меня слушателем Богословского Института в Париже.

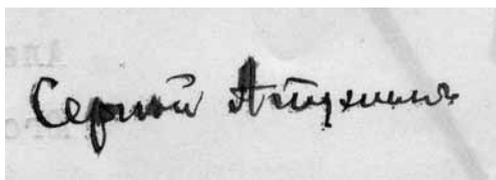
Родился я в г. Юрьеве, бывшей Лифляндской губернии 22-го Августа 1893 года от родителей моих генерала Александра Николаевича Апухтина и Варвары Петровны Апухтиной. Сын генерал-лейтенанта Александра Николаевича Апухтина (1862–1928) и жены его Варвары Петровны Араповой (1868–1936). Все время в России я прожил и воспитывался исключительно в русской военной среде. Образование получил в 3-м Московском Императора Александра II Корпусе и в Павловском Военном Училище, по окончании курса которого служил в Лейб-Гвардии в Петроградском полку.

¹⁰⁶ В Русский православный богословский институт в городе Париже. Прошение. Л. 1–1 об. Машинопись. Подпись — автограф чернилами. Пометы синим и красным карандашами. Частное собрание.

Особый отряд по охране лиц императорской фамилии в Крыму...

Сергей Александрович Апухтин.
1925 г.

Автограф С. А. Апухтина

Во время Великой войны был ранен и продолжал служить в том же полку. Во время гражданской войны служил в Добровольческой Армии генерала Деникина и генерала Врангеля, а после эвакуации из Крыма жил в Софии и в Белграде, где и состоял представителем русских газет. Полученное мною воспитание в православной русской семье, тяжелые потрясения, которые пришлось пережить во время Великой войны и во время гражданской борьбы привели меня к убеждению, что только в разрешении религиозного вопроса в России, в восстановлении истинно-православного вероучения лежит возможность восстановления России. Поэтому интерес к вопросам религии вообще, и православия в частности, пробудился у меня с особенной силой. Средств я не имею и могу поступить в Институт только при условии, если мне будет предоставлена возможность жить в общежитии и иметь там стол, при соблюдении тех условий, которые объявлены были в газетах. Я холост. Из духовных лиц могу указать бывшего Протопресвитера Военного и Морского Духовенства Отца Шавельского и Настоятеля Русской церкви в г. || Бари (Италия) Иеромонаха Саввы [sic!]. Знаком с церковным пением и обладаю небольшим голосом и слухом. Фотографическую карточку при сем прилагаю, как равно и медицинское удостоверение, выданное мне Красным Крестом в городе Белграде. В удостоверении [sic!] моего образования[,] а равно и в качестве документа, заменяющего метрику о рождении[,] прилагаю при сем засвидетельствованную копию моего послужного списка.

Сергей Апухтин.

Свидетельство о состоянии здоровья, полученное от Российского Красного Креста, будет выслано дополнительно.